

Международная лаборатория региональной истории России НИУ ВШЭ

Международная конференция «Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение»

Не использовать материалы без разрешения автора*/ *Please do not circulate without permission

21 октября

Секция 1: Регионы Российской империи: понятия, категории, хронологические рамки

1. Willard Sunderland

The Trouble with Regions: What, When, How, Why?

This paper offers a reflection on region as a category of historical analysis. I start by noting the deceptive simplicity of region as a geographical category. According to the US National Geographic Society, a region is “an area of land that has common features.” In fact, however, many regions have little or no geographic commonality but instead are better defined by culture and/or their complimentary, oppositional, or overlapping relationship – real and imagined – to other regions and states. In addition to their contingency, regions also shift over time, either by growing, shrinking, or simply repositioning themselves. Not everyone sees a region the same way, or uses the same terms to describe it, either from the inside out or from the outside looking in. Some people in certain regions in modern times have insisted that their regions are nations and deserve to be states of their own. Others have been content to remain regions within states that might or might not be identified simultaneously with a nation, but even these aspirations are historical. They change over time, and the relationship between region and nation is at best fraught and indeterminate.

The trouble with Russian regions is simply a variation on this broader reality. The list of entities that could be described as regions in the Russian context is staggering. The terms to describe them are likewise diverse – zemlia, oblast', krai, region, for starters. But a region can be a region without a word for “region” appearing in the title. Often a proper name will do, sometimes with a prefix, sometimes not: Podmoskov'e, Pribaltika, Predkavkaz'e, Zakavkaz'e, Sibir, Chernaia Rus'. Some regions are highly geographical. The

regions of Crimea and the Carpathians, for example, are the peninsula and the mountain range. No more, no less. Other regions are geographical yet far less precise – the North (sever), for example, or Aziatskaia Rossiia or Tsentral’naia or Sredniaia Aziia, all of whose component parts have varied over time. Other regions, for a while at least, have doubled as provinces or collections of provinces. In other words, their regionality has been closely tied to dictates and definitions of administration: the region of Novorossiia, for example. At the same time, an association with administration isn’t the only meaning these regions carry. Other notions of region are more general. A pogranich’ie, for example, is a region around a border, while an okraina is a region that lies metaphorically or physically near the edge of the state. The center (tsentr) is also a region, though its exact location varies from observer to observer. Some territories might also be described as regions despite the fact that they’re usually not. For example, the “region” of the Trans-Siberian Railway. This sounds odd, I admit, but if the Volga is a region – Povolzh’ie – why couldn’t one speak of a Pomagistral’ie?

I conclude my paper with a few observations about existing approaches to the study of regions in the Russian context and how we might study them in new ways.

2. Susan Smith-Peter

Regions and Regionalism in Russia: A Comparative Look

This paper explores the development of Russian ideas of regions and regionalism before 1917. It begins with a discussion of the etymology of Russian terms for regions and a typology of regions more broadly. It discusses larger regions such as Siberia and the Russian North, as well as the province and the district (uezd) level. Then it turns to an exploration of the difference between cultural regionalism, which was influenced by Romanticism and studied the region in search of its unified culture and history, and political regionalism, which drew upon the material of cultural regionalism to make an argument for greater political representation for regions.

At the regional level, the Russian experience adds much to the understanding of regions in Europe more broadly. In both Siberia and the Russian North, local non-noble authors influenced by Romanticism reworked earlier ideas of these regions into new cohesive narratives of the region as a historical and cultural whole. In Siberia, there was an early attempt at political regionalism that led to the arrest in 1865 of a group that would later call themselves Siberian regionalists. After their exile to the Russian North, which gave them a broader view of the role of regions in Russia, they then returned to Siberia and did much to spread the idea of the distinctiveness of Siberia and the need for self-government and some form of representation or advisory role for the region.

At the provincial level, the emphasis was more on culture than politics, generally speaking. While the state, starting with Peter the Great, had created provinces earlier, it was only with Nicholas I’s creation in the

1830s of a series of institutions, such as the provincial newspapers and statistical committees, that a concept of provincial identity began to emerge. Local authors, including priests' sons, lower-level bureaucrats, merchants and townspeople, took part in what I call the era of small reforms, which Nicholas I carried out in the 1830s in order to stimulate economic development and to increase the state's knowledge of the provinces. Nicholas was influenced by the ideas of Adam Smith, and particularly by Smith's idea of stages in history, the last two of which were the agrarian stage, which would be followed by civil or commercial society. Civil or commercial society, Smith wrote, would be characterized by voluntary associations, polished manners, and economic abundance. By writing for the newspaper and taking part in the provincial statistical committees, local authors created a new provincial identity that was often non-noble and celebrated the industrial development taking place in some of Russia's provinces.

At the district level, local nobles engaged with the latest theories and practices of improved agriculture in order to increase their own income and to create a strong agrarian future for Russia. They created voluntary associations to spread new agricultural tools, crops, and knowledge. At first, they sought technical means to improve agriculture, but by the late 1840s, they realized that structural change was needed to transform serfdom into profitable market agriculture. They celebrated the life at the district level as more authentic and Russian than that in the more non-noble provincial capitals. This dichotomy can also be seen in the two books of Nikolai Gogol's *Dead Souls*, which moved from a dismissal of the provincial capitals in the first book to a valorization of the noble vision of the district and village in the second. The reforming nobles at the district level did not comprise the majority of their estate, but they were highly active in the noble assemblies and when the central government began their preparations for the abolition of serfdom, these nobles eagerly took part. Halfway through the reform process, however, the nobles were shut out, which led to a rise in what was called the Noble Opposition. The center of this was in the Moscow Agricultural Society, whose massive archival collections, like those of other agricultural societies, have barely been tapped in the study of preparations for 1861.

Comparison with regionalist movements in Europe, including in France and Spain, suggests two important differences between Russian and Western European regionalism. First, in Western Europe, political regionalism tended to be connected to the nobility, while in Russia different types of regional movements led by nobles and non-nobles were not integrated. Regionalists in Siberia and the Russian North were non-nobles and the Noble Opposition included a demand that the state listen to the views of nobles from the provinces, but the two movements were not connected.

Second, in countries such as Spain, regionalist political parties were able to form by the late nineteenth century, which gave them experience in the practicalities of politics. In Russia, the Siberian regionalists and those of the Russian North had fewer opportunities in this regard. When the Russian Civil War came, they had difficulty forming a workable government with the Socialist Revolutionary party in both regions. The

regionalists were unable to expand their political base into the peasantry and some hoped that the Whites would be guarantors of their aspirations, but such was not to be. Although the regionalists were non-noble, they were not able to reach a wide base or to govern in coalition.

Placing Russian regions in comparative context helps to give us a deeper understanding of their place in a wider and more inclusive European history.

3. Марина Лоскутова

Природно-климатический фактор и региональное деление Российской империи в хозяйственно-статистических исследованиях и политике Министерства государственных имуществ в 1837-1855 гг.

Административные границы, безусловно, представляют собой один из наиболее значимых факторов для формирования устойчивых региональных общностей. В этом отношении очевидная особенность Российской империи XIX – начала XX в. – несовпадение административных границ, признававшихся различными ведомствами, при выделении крупных, объединявших несколько губерний, регионов. Границы учебных, судебных, военных округов, округов путей сообщения и т.д. в большинстве случаев не совпадали, а политика изменения их границ не согласовывалась ведомствами между собой. Однако история выделения этих более крупных административных единиц и их влияния как на сами регионы, так и на проводимую соответствующим ведомством политику, до сих пор, кажется, не рассматривалась в исторической литературе.

Министерство государственных имуществ (МГИ), образованное на исходе 1837 г. путем выделения в самостоятельное ведомство одноименного департамента, существовавшего ранее в Министерстве финансов, в первый период своего существования (1837-1855, до конца пребывания на посту министра П.Д.Киселева) было одним из наиболее динамичных и амбициозных по выдвигаемым задачам ведомств николаевской эпохи. К числу последних МГИ несомненно относилось переустройство сельского и лесного хозяйства и вообще всего быта государственных крестьян на новых, рациональных, освященных авторитетом западноевропейской науки основаниях, ради чего МГИ вкладывало финансовые, организационные и интеллектуальные усилия в развитие Лесного института в Петербурге и Горыгорецкой земледельческой школы (с 1848 г. - института, находился в Могилевской губернии), учебных лесничеств и образцовых ферм. По инициативе этого ведомства в рассматриваемый период были подготовлены и опубликованы «Хозяйственно-статистический атлас Российской империи» (1851, 15 карт), первый русскоязычный справочник «О вредных насекомых» (2 т., 1845, 1851). МГИ спонсировало экспедиции К. Бэра и Н.Данилевского для изучения рыбных промыслов Чудского озера, Белого, Балтийского, Черного, Азовского и Каспийского морей

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

(пер.половина 1850-х гг.), по результатам которых было реформировано законодательство, регулирующее лов ценных пород рыб. В этот же период МГИ занималось масштабными работами по составлению земельного и лесного кадастра Российской империи, что непосредственно было связано с изучением природных и человеческих ресурсов страны в их географическом распределении.

В связи с этим представляется особенно интересным рассмотреть, какими «ментальными картами» оперировало МГИ в этот период, каким образом они возникали и изменялись, получая материальное воплощение как в институциональной структуре самого ведомства и подчиненных ему учреждений, так и в настоящих картах, создававшихся под эгидой и при участии МГИ.

Первое, что следует отметить, это саму организационную структуру МГИ, сложившуюся уже в момент образования этого ведомства. В рассматриваемый период МГИ делилось на три департамента, из которых 3-й отвечал, упрощенно говоря, за «научно-учебные вопросы», в том числе и за сбор статистических сведений, в то время как первые два департамента непосредственно курировали весь спектр проблем, относящихся к управлению казенными имениями и населяющими их государственными крестьянами. При этом разграничение компетенций между 1-м и 2-м департаментами происходило по территориальному принципу: 1-й департамент ведал землями и крестьянами, находящимися на территории великороссийских, малороссийских, новороссийских, закавказских и Бессарабской губерний, а также вопросами, связанными с управлением инородцами и переселением ссыльных и колонистов в Сибири, в то время как 2-й департамент занимался проблемами государственных имуществ, находящихся на западных окраинах Российской империи — в 12 остзейских, литовских, белорусских и правобережных украинских губерниях. Таким образом, логика организационной структуры МГИ рельефно демонстрировала признаваемое имперской бюрократией фундаментальное отличие западных окраин от остальной территории страны — и прежде всего, отличие их правовых реалий, определяющих сложившийся порядок управления казенными имениями в этой зоне. Распределяя таким образом «зоны ответственности» своих структурных подразделений, МГИ не было оригинальным: учебные округа Министерства народного просвещения, например, также отражали признание тех же самых отличий, отделяющих остзейские, западные белорусские, правобережные украинские губернии от великороссийских, малороссийских и новороссийских губерний.

В то же время МГИ исходило в своей деятельности из того, что проблемы и задачи управления казенными имениями и государственными крестьянами вытекают из преимущественно аграрного характера экономики страны; сельское же хозяйство мыслилось аппаратом ведомства как определяющееся в значительной степени природными факторами — в первую очередь, особенностями почвы и климата. Соответственно, в своих попытках учитывать разнообразие хозяйственно-бытовых реалий в подведомственных имениях, МГИ достаточно часто ориентировалось на принципиально

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

иной подход к вычленению пространственных различий. В рамках этого подхода деление территории страны проводилось не в меридиональном («запад-восток»), а в широтном («север-юг») направлении.

Так, уже на втором году существования министерства его центральный аппарат организовал три комиссии, превратившиеся в 1839 г. в три экспедиции, для изучения способов оценки казенных имений (напомним, при создании МГИ это ведомство ставило своей первоочередной задачей реформу налогообложения казенных крестьян — переводению их с подушевых платежей к платежам с земли и промыслов). Первая из этих комиссий изучала положение дел в «северных губерниях» Европейской части империи, куда вошли Новгородская, Тверская, Ярославская, южная часть Вологодской, Костромская, Нижегородская, Вятская и Пермская губернии, вторая — в «средних», а третья — в «южных». (В состав первой из этих комиссий входил, в частности, будущий непреременный секретарь ИАН К.С. Веселовский, а в состав последней — академик П.И. Кеппен и будущие «архитекторы» Великих реформ Н.И. Милютин и А.П.Заблоцкий-Десятовский).

Представление о том, что в климатическом отношении (а понятие «климат» в конце XVIII — первой половине XIX в. употреблялось в гораздо более широком смысле, чем в наши дни, соответствуя скорее современному нам термину «окружающая среда») Европейскую часть империи можно разделить на три полосы — северную, среднюю и южную — восходит, по видимому, еще к сочинению А.Ф. Бюшинга «Землеписание» (Anton Friedrich Büsching, Erdbeschreibung, 1754-1761), и воспроизводилось в основных географо-статистических описаниях Российской империи первой половины XIX в., таких как работы Е.Ф. Зябловского и К.И. Арсеньева. Положение о трех климатических полосах Европейской части Российской империи прочно вошло и в публикации Министерства финансов, к чьей сфере компетенции до декабря 1837 г. относилось управление казенными имениями, лесами и государственными крестьянами.

МГИ, унаследовав подобную «ментальную карту» климатических особенностей страны, положило ее в основу не только собственных статистических изысканий, но и стало использовать ее в собственных управленческих практиках, уже в 1838 г. преобразовав созданную ранее в Министерстве финансов инспекцию шелководства в инспекцию сельского хозяйства южной России (в сферу компетенции этой инспекции, долгое время возглавлявшейся Х.Х.Стевенем — основателем и первым директором Никитского ботанического сада, попали закавказские и новороссийские губернии).

В целом, идея изучения и картирования климатических особенностей различных местностей Российской империи в их связи с растительностью и сельским хозяйством, в целях последующего улучшения сельского хозяйства очевидным образом занимала умы целого ряда влиятельных фигур в центральном аппарате МГИ в этот период. Последовательной реализацией этой идеи стал сбор материалов и публикация «Хозяйственно-статистического атласа Российской империи» (1851). Кроме

того, именно в ходе работы над этим изданием К.С.Веселовский собрал эмпирические данные, позволившие ему в 1857 г. опубликовать свою монографию «О климате России» — первое фундаментальное сочинение по этому вопросу. Вместе с вошедшей в состав «Хозяйственно-статистического атласа» первой климатической картой Европейской части страны (подготовлена академиком А. Купфером при возможном участии Веселовского), монография К.С. Веселовского внесла значительные поправки к вышеобозначенной концепции о трех климатических полосах Российской империи, подчеркнув существенное изменение климата в направлении с запада на восток, в особенности в южных губерниях и губерниях средней полосы. Во многом эти работы основывались на сообщениях местных корреспондентов ведомственного журнала МГИ, на страницах которого его редакция настойчиво поощряла читателей присылать хозяйственно-статистические описания своих губерний и уездов, проводить метеорологические наблюдения и сообщать их результаты, предлагая, таким образом, модели и языки самоописания для российской провинции. Показательно, что этими корреспондентами в первую очередь были служащие МГИ, работавшие в учебных фермах, училищах садоводства, древесных питомниках, которые министерство создавало в те же самые годы. Их описания местных особенностей и данные наблюдений, с одной стороны, и составляли эмпирическую базу изменений «ментальной карты» европейской части Российской империи, существовавшей в умах сотрудников центрального аппарата МГИ. С другой стороны, именно усложнение этой «ментальной карты» подталкивало руководство МГИ к учреждению новых подобных заведений ради того, чтобы они в полной мере отражали разнообразие региональных особенностей.

Местными хозяйственно-статистическими описаниями, метеорологическими наблюдениями и сельскохозяйственными выставками занимались и региональные сельскохозяйственные общества, перешедшие в ведомство МГИ или возникшие под его эгидой в рассматриваемый период — Московское, Южной России (с центром в Одессе), Казанское, Юго-Восточной России (с центрами в Пензе и Саратове). В отличие от учебных заведений МГИ, эти общества являли собой пример самоорганизации местных активистов, но также как и в предыдущем примере, их деятельность способствовала формированию представлений о существовании определенных больших регионов со своими климатическими, природными и сельскохозяйственными особенностями как у самих членов этих обществ, так и у «просвещенной бюрократии» николаевской эпохи.

Таким образом, совокупные усилия центрального аппарата МГИ и его сотрудников и корреспондентов на местах способствовали значительному усложнению «ментальных карт» империи, влиявших и на проводимую этим ведомством политику поощрения инноваций в сельском хозяйстве.

4. Боярченков Владислав

«Русская история, в самой основе своей, есть ... история областей»: провинциализм, народность и колонизация в историческом дискурсе федералистов эпохи «великих реформ»

Рубеж 1850 – 1860-х гг. – время вступления Российской империи в эпоху «великих реформ» – был ознаменован не только небывало широким обсуждением предстоящих масштабных изменений в различных сферах ее устройства, но и радикальными попытками пересмотра ее прошлого. Почти одновременно несколько авторов, среди которых выделялись Афанасий Шапов, Николай Костомаров, Платон Павлов и Константин Бестужев-Рюмин, на тот момент малоизвестные читающей публике и незнакомые между собой, ополчились на предшествовавшую и современную им российскую историографию, обличая ее в игнорировании «начала провинциализма» (Бестужев-Рюмин), или «областности» (Шапов). Острые критики «федералистов», как стали называть в печати упомянутых исследователей, было направлено против учения наиболее авторитетной в те годы «новой исторической школы», связываемой с именами Сергея Соловьева, Константина Кавелина и Бориса Чичерина и их последователей.

Едва ли продуктивно рассматривать заявку федералистов на создание собственных оригинальных теорий в отрыве от дискурса «великих реформ» с его противопоставлением новых принципов отжившей свой век рутине. Все эти историки, хотя и в разной степени, не были чужды публицистике, в которой, судя по всему, усматривали подходящее место приложения результатов своих научных изысканий. Между тем, насколько бы Шапов и Костомаров, Павлов и Бестужев-Рюмин ни были вовлечены в идейную борьбу, сопровождавшую отмену крепостного права и другие преобразования начала 1860-х гг., содержание их научных работ невозможно редуцировать к отклику на публицистическую злобу дня. Как уже отмечалось в литературе (S.F. Starr, 1972), эти историки были в первом ряду тех, кто формировал у публики запрос на федерализм и критику централизации.

Не стоит исключать и того, что эта критика хотя бы отчасти была продиктована интересами борьбы за место под солнцем. Высказанный Кавелиным еще в 1847 г. тезис о ничтожности в российском прошлом местного развития на фоне утверждающейся государственности оставался для адептов «новой исторической школы», порой ожесточенно полемизировавших друг с другом по различным вопросам, общим местом. Очевидно, что такие представления если и не превращали изучение истории отдельных городов и областей в бессмысленное занятие, то отводили ему примерно то же скромное место в системе разделения труда между провинциальными и столичными исследователями, что и раньше, когда поступающие из провинции сведения рассматривались, в лучшем случае, как источник уточнений отдельных деталей в исторических построениях обобщающего характера, о возведении которых пристало помышлять лишь немногочисленным

избранникам, под сенью престижных корпораций, вроде Московского университета, посвященным в премудрости исторической критики.

Однако, как ни соблазнительна перспектива истолкования мотивов этой федералистской критики как завуалированного протеста провинциалов против чрезмерной централизации в распределении научных ресурсов и навязываемой им роли поставщиков архивного сырья и инвентаризаторов древностей, до которых столичные ученые не успевали добраться во время своих экспедиций и вакационных поездок, без объяснения остается стремительное и синхронное отступление Щапова и его временных единомышленников с позиций, еще никем толком не подвергнутых проверке на прочность. Кроме того, рассматриваемые защитники провинциализма отнюдь не были типичными для середины XIX века провинциальными любителями старины. За плечами каждого из них были годы учебы в высшей школе, защиты диссертаций, университетское преподавание, пусть и не в Москве или Санкт-Петербурге, либо, как в случае с Бестужевым-Рюминым, обучение в магистратуре Московского университета.

Итак, не сбрасывая со счетов влияние внешних обстоятельств, несомненно, сказавшееся на характере и судьбах федералистских концепций российской истории, в поисках ответа на вопрос о причинах их недолговечности я предлагаю обратиться к деконструкции того дисциплинарного режима, в рамках которого они создавались. Дело в том, что, несмотря на ожесточенную полемику с «новой исторической школой», Щапов, Костомаров, Павлов и Бестужев выстраивали свою версию прошлого с учетом тех же ограничений, которые еще в 1840-е гг. были предложены их антагонистами (в первую очередь, Кавелиным) в качестве условия построения «науки русской истории». Прежде всего, речь идет об органицизме нации, представленном в оптике Просвещения, во всяком случае, в том виде, как она развернута Мишелем Фуко в его размышлениях по поводу ответа Канта на вопрос «Что такое просвещение?»

Как Кавелин с Соловьевым, так и Щапов с Костомаровым настойчиво искали принципы, «начала», которые объединили бы в органическое, связанное целое содержание если не всей русской истории, то, по крайней мере, нескольких ее веков. «Родовой быт», «вотчинный период», «удельно-вечевой уклад» и т.п. – таковы находки на этом пути. Федералисты выражали недовольство по поводу того, что органические начала, от которых отталкивались их противники, не оставляли простора для провинциализма, местного развития ни в прошлом, ни в настоящем. При этом до поры до времени они не замечали подлинной проблемы собственных построений: отсутствие органической связи между собой и тем целым, от имени которого выстраивался их дискурс.

Этот разрыв не мог быть преодолен и в концепциях «новой исторической школы», так же оказавшейся заложницей антитезы «архаики» и «современности». Но, взяв за отправной пункт своего дискурса «государственное начало» и взвалив, тем самым, на себя бремя оправдания всего, что

делалось во имя торжества государства (отсюда их апология Ивана Грозного и почитание Петра I), Соловьев, Кавелин и их последователи оставались в ладу с завещанной им Просвещением рациональностью. Федералисты же, избрав в качестве противовеса «государственного начала» принцип народности, смогли увидеть в «народной истории» целый ряд проблем, обойденных их предшественниками, в первую очередь, насыщенную событиями жизнь областей, которые сохраняли черты самобытности еще долгое время после подчинения их Москве, а согласно Щапову, не утратили их окончательно и к настоящему времени.

Правда, здесь и обнаруживался внутренний изъян федералистских построений: если апелляция к рациональности государства, при всех его несовершенствах, все же могла иметь смысл, то обращение к «незрелому», в просвещенческой парадигме, народу было делом заведомо бесперспективным. Это беспомощное положение «историка народа», скованного такого рода органицизмом, с наибольшей наглядностью представлено в работах Щапова 1861 – 1863 гг., где автор вынужден то ссылаться на «истинные инстинкты», заложенные в невежественной массе, то выступать в роли пророка, возвещающего сближение этой массы с прогрессивно мыслящим меньшинством.

Примечательно и то, что проблема империи так и осталась своего рода «слепым пятном» концептуальных построений, обеспеченных дискурсивными стратегиями науки русской истории. Так, критикуя московскую и петербургскую централизацию за ущемление исторической жизни областей, Щапов, Костомаров и их единомышленники, по сути, даже не поставили вопроса о том, не связано ли это с трансформацией России в империю. На деле это «слепое пятно» означало неосознанное использование той же самой имперской оптикой, которая, допуская мысль о колониальном освоении российских пространств, делала избыточным рассмотрение колониализма как модуса отношений центра к периферии. Для Щапова начала 1860-х гг. изучение русской колонизации не более чем ключ к пониманию естественно-географических и этнографических процессов, которые вели к образованию областей.

Секция 2: Образы и репрезентации (1)

1. Karsten Brüggemann

The Invention of the Russian *Pribaltiiskii krai*: Challenges and Consequences

During the second half of the nineteenth century a nationalising Russian elite promoted a new view of the imperial possessions on the coast of the Baltic Sea. Whereas the traditional perception of the *Ostzeiskii krai* stressed the idea that it was precisely this German dominated territory that made the Russian empire truly European, now its decidedly non-Russian character was reinterpreted as a source for potential disloyalty to

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

the tsar and the Russian nation. In introducing historical, cultural and geographical arguments demonstrating the originally Russian character of the *Pribaltiiskii krai* (a term invented during the 1860s that quite nicely mirrors the changing perception) intellectuals like Iurii Samarin and Ivan Aksakov aimed at a “Russification” of the region on the mental maps of the empire not the least in order to make finally also this region object to the imperial civilizing mission. Moreover, the protagonists of the discourse of the *Russian* Baltic provinces saw potential anti-German allies in the peasant societies of Estonians and Latvians because despite the sufferings of local peasants under the domination of the German nobilities, they were said to have never abandoned their original commitment to the world of Rus’. In this perspective, the dramatic wave of conversions of app. 100,000 Estonian and Latvian peasants in Livonia province to the “Tsar’s faith” during the 1840s apparently provided good arguments for the thesis that actually the Baltic provinces were under Russian cultural influence from times immemorial.

Whereas Estonians and Latvians thus entered the imperial stage for the first time (their liberation from serfdom 1816-19 didn’t had a lasting impact on imperial imagination), it was the historical role of the Baltic Germans that had to be readdressed. Under the influence of the new powerful criteria of ethnicity and nation which challenged the traditional perceptions of diversity in a multinational empire Samarin as early as 1848, in his “Letters from Riga,” drafted a programme for the mental appropriation of the Baltic region by Russia as a precondition for its real “merging” (*слияние*) with Russia proper. In the age of nationalism, arguments were needed to make Russian power in non-Russian regions rationally comprehensible. The argument from history was used to assert the “naturalness” both of the existing borders and of the correlative relationship between past and present Baltic realities. Samarin re-interpreted the view of medieval history held by the Baltic Germans (*Kulturträgetum*) to assert an ongoing process of submission on the part of the indigenous populations to peaceful Russian authority, which Samarin claimed began as early as the time of the Kievan Grand Prince Yaroslav the Wise in the 11th century. On this view, the Germans played the part of brutal intruders who interrupted this peaceful process of assimilation of lands and peoples to the Orthodox world of the Rus’. With this thesis Samarin claimed Russia’s right and “destiny” to “lead the Baltic region to civil and ecclesiastical enlightenment”. According to Samarin, “the Germans took the Baltic region from the Russians, and Catholicism tore it from the bosom of Orthodoxy”. Thus, German dominance in the region was interpreted as unjust and even unnatural since, as the religious argument knew, the Estonians and Latvians had originally adopted Christianity as a result of a peaceful mission from the east. Finally, the geographic argument justified Russia’s extension to the Baltic Sea. Samarin maintained that the Great Russian Plain extends all the way to the Baltic Sea; only at the sea shore does the empire meets its “natural” border. Geography thus does not separate the provinces from Russia. Translated into geopolitical terms, this argument became a strategic one. This was not new, however, as from the times of Peter I Russian power in the Baltic provinces was seen as vital for defending the entrance to the Gulf of Finland and thus the capital; during the second half of the 19th

century, this question had become surprisingly acute during the Crimean War and the rise of German nationalism that eventually led to the country's unification in 1871.

Especially during the press debates on the status quo in the Baltic provinces during the 1860s, which essentially should be read as a tense debate about the government's national policies, these set of arguments was repeatedly used to call for reforms in the littoral. Apart from that, the perception of the Baltic provinces as a region where in contrast to the Baltic Germans the Russians always had played the role of good friends was taken also into the rising number of popular texts introducing the local diversity of imperial regions to the growing reading public since the 1870s. Whereas the idea of local history as justifying Russian power was widely supported in such publications and once more reinforced in the many texts issued on the occasion of the 200th anniversary of Estonia's and Livonia's incorporation in 1910, Estonians and Latvians find themselves portrayed as rather typical superstitious peasant populations far from being able to carry out the role of martyrs for the Russian cause against German domination ascribed to them in journalism. Only occasionally the thesis of their initial baptism from the east is mentioned, the recent mass conversions are not discussed at all. Moreover, the reader would rarely learn that, for example, Protestant Estonians and Latvians were almost completely literate. Ethnographic information tended to come from German Enlightenment writings and was, on the whole, hopelessly outdated. This continued to be the case up to the turbulent years of 1905/06 which brought another interpretation of Estonians and Latvians to empire-wide attention: the *tuzemtsy* as socialists and potential secessionists. However, judging from the above-mentioned literature, one could ask why should anybody in the empire be concerned about the national and political aspirations of peasants whose favorite entertainment was swinging (in the case of Estonians) and solving riddles (in the case of Latvians)?

In early 20th century, however, Estonians and Latvians had already quite successfully created their own national cultures with the establishment of their own theaters and operas. It needed the borderland-perspective of a Riga-born Russian author who already in 1901 sarcastically asserted that Latvians of all social strata loved their translated Dostoevskii and Tolstoi at a time when Russian peasants as a rule had still no clue as to who these writers were. At the same time, Vasilii Rozanov portrayed Riga as a place where nothing was as it seemed from the all-imperial context in the capitals: the bearers of traditional Russian values, the Riga Old Believers, were Germanized except for their church service and Latvian coachmen read newspapers while culturally waiting for customers. Yet paternalistic and colonial attitudes towards the inhabitants of the littoral continued to be carried to the mass reader until the end of the empire.

2. Бадмаев Валерий Николаевич

Проблема «Восток и Россия» выступает одним из ключевых факторов развития российской истории и культуры. Восток для России – важная составляющая самой российской цивилизации. Российское общество находило и находит в востоковедном знании важный компонент своего социального и культурного бытования, уравновешивавший вектор проевропейского развития страны.

Особого внимания в этой связи заслуживает анализ буддийской культуры России, ее ценностей в определении евразийской идентичности многонационального российского государства. Важно учитывать, что народы России (калмыки, буряты, тувинцы, часть алтайцев), традиционно исповедующие буддизм, являются своеобразным связующим звеном между Россией и буддийским миром. Буддизм является неотъемлемой составной частью российской государственности, истории и культуры.

Выражение «буддийский мир» обычно относится к странам, в которых господствующей религией является буддизм. Области компактного проживания буддистов (даже если они в данном государстве и не являются большинством), отдельные общины и группы буддистов также принадлежат к буддийскому миру. Таким образом, буддийские народы России являются своеобразным связующим звеном между Россией и буддийским миром, имея двойственную цивилизационную идентичность. Они по своим религиозно-культурным характеристикам относятся к буддийской цивилизации, буддийскому миру.

Социокультурное пространство России, характеризующееся полиэтничностью, многоконфессиональностью, условно можно представить в виде следующих культурно-конфессиональных составляющих – восточноевропейские регионы, православные по генезису, составляющие этнокультурное ядро страны, доминирующее и территориально и по численности населения, исламские (республики Северного Кавказа и Поволжья) и буддийские (Калмыкия, Бурятия, Тува) культурные анклавы. Следует отметить, что если православно-культурная составляющая вполне самодостаточна и идентифицирует себя как один из центров христианского мира («Москва – третий Рим»), то остальные культурно-цивилизационные единицы (исламская и буддистская) имеют «свои» центры притяжения, культурно-конфессиональные аттракторы за пределами российского государства, представляя собой интегрированные в Россию фрагменты других локальных цивилизаций. Их конфессиональная, цивилизационная и этнокультурная идентичности выходят за пределы российского цивилизационного и социокультурного пространства. С кризисом единой общесоветской идентичности цивилизационные различия регионов стали актуализироваться, а регионализация

страны по признаку традиционной принадлежности к мировым религиям обретать особое значение, что вызвало новые исследования истории регионов России¹.

Особый ракурс современным исследованиям региональной истории России придает востоковедный дискурс евразийской идентичности Российского государства (Российской империи) и ее народов, где «исход к Востоку», буддолого-востоковедческие традиции имеют глубокие исторические корни².

Среди народов России определенным образом отличаются калмыки – потомки кочевников, средневековых ойратов Джунгарии (ныне – Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики). В начале XVII века калмыки, совершив трансконтинентальный (позже ставший и транскультурным, трансцивилизационным) переход из Азии в Европу, вошли в состав Российского государства, заселив степи Южного Предуралья, Поволжья и Северного Кавказа. В результате было создано государственное образование - Калмыцкое ханство, в границах которого сложилась особая монголоязычная народность на ойратской этнической основе – «улан залата хальмг».

Анализ истории интеграции калмыцкого этноса в социокультурное и политическое пространство России (сквозь призму теории идентичности, транскulturации, фронта, востоковедного дискурса) позволяет переосмыслить региональную историю российского государства.

Калмыки со времени своего вхождения в состав российского государства (XVII в.) и по настоящее время поддерживают отношения с мировыми буддийскими центрами (Тибет, Индия, Монголия и др.) – участие ойрат-калмыков в укреплении власти Далай-ламы в Тибете (XVII в.); отношения между калмыками и Тибетом положили начало развитию дипломатических связей между Китаем и Россией (XVII-XVIII вв.), установлению советско-тибетских связей в 1920-е годы; паломничество и обучение калмыцких монахов в зарубежных буддийских центрах; в современное время - приезды Далай-ламы XIV и других буддийских учителей в Калмыкию, религиозное паломничество и участие в буддийских ретритах и др.

Калмыцкий этнос является единственным представителем буддийской религии на Юге России и на Европейском континенте в целом. «Феноменальность» позиционирования калмыков, которые, будучи восточным (по антропологии, менталитету, языку, религии, культуре) народом, проживают в Европе на границе между большим христианским миром с одной стороны, и мусульманским с другой, может быть рассмотрена, на наш взгляд, в контексте транскультурной теории.

¹ См., например: Изучение России современными историками Запада и Востока. М., 2019.

² См.: Вера Тольц «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013; Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М., 2005.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Восприятие и понимание Калмыцкой степи как «собственного Востока России» (Вера Тольц), на наш взгляд, повлияло на формирование калмыковедения как отрасли востоковедного знания. Приведем в этой связи некоторый событийно-фактологический ряд.

Как известно, в 1804 г. уставами Московского, Казанского и Харьковского университетов было введено преподавание в них восточных языков. В 1833 г. в Казанском университете была открыта первая в Европе кафедра монгольского языка. В 1835 г. был основан факультет восточных языков. Планы наладить преподавание тибетского и калмыцкого так и остались нереализованными.

В 1855 г. в Санкт-Петербургском университете был открыт факультет восточных языков, основанный на базе переведенного в столицу восточного факультета Казанского университета. В 1857 г. первый декан этого факультета Александр Касимович Казем-Бек заявил, что «на его факультете европейские и «восточные» ученые работали об руку, как нигде больше в Европе»³. К примеру, зайсанг Абганер-Баруновского аймака Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Д.-Д. Кутузов, будучи в звании вольнонаемного преподавателя, обучал студентов монголо-ойратского разряда калмыцкому языку с 1863, с некоторым перерывом, до 1869 г., когда по болезни уволился в отставку⁴.

В начале XX века в университетах Санкт-Петербурга получали образование калмыцкие студенты – Б.Уланов, Н. Очиров, С.Баянов, Э.Хара-Даван, Е. Чонов и др., ставшие первыми представителями калмыцкой национальной интеллигенции⁵. Ими была создана студенческая организация «Улан Залата», ставившая задачу сохранения и изучения наследия калмыцкого народа.

В 1908 г. ученик приват-доцента восточного факультета Санкт-Петербургского университета В.Л. Котвича (1872 - 1944) Номто Очиров во время полевой студенческой практики услышал, а позднее записал на фонографе от прославленного сказителя Ээлян Овла наиболее полную версию эпоса «Джангар», которая стала знаковым событием в востоковедных исследованиях.

Первый калмыцкий доктор буддийской философии Боваев Бадма, проведший двенадцать лет в Брайбуне, самом большом из «желтошапочных» монастырей Тибета, изучая все отрасли буддийского знания, был лично знаком с буддологами С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским, монголооведами В.Л. Котвичем и Б.Я. Владимирцовым, читал лекции в Санкт-Петербургском университете.

³ Вера Тольц «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М., 2013; Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М., 2005. – С. 201.

⁴ См.: Джалаева А.М., Команджаев А.Н. Российское востоковедение в XIX - начале XX века // Международная научная конференция «Великие евразийские миграции». Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016. – С. 324.

⁵ Хара-Даван Э. Калмыцкие студенты-пионеры // Эренжен Хара-Даван и его наследие: сборник статей и материалов. Элиста, 2012.

Профессор Пенсильванского университета Араш Борманджинов весьма красноречиво назвал свою статью о Боваеве «Калмыцкий Леонардо да Винчи»⁶.

Можно согласиться с тем, что подход «новой школы востоковедения» В.Р. Розена, способствовавший включению «российских инородцев» в исследование «собственного Востока России» не только способствовал становлению российского востоковедения, но и укреплению евразийской идентичности многонационального российского государства.

Перед современным востоковедением стоит задача предложить новое видение дихотомии "Восток-Запад" как новой научно-гуманитарной картины мира, необходимой для равноправного диалога всех мировых культур и цивилизаций.

Секция 3: Пограничье: особый регион?

1. Юлия Александровна Лайус

«Мурман - от “побережья” к “области”»: пространственные изменения и процессы колонизации на Европейском Севере России, 1868 – 1920».

В докладе будут рассмотрены этапы «конструирования» одного из северных регионов в период с 1868 г., от первых проектов колонизации Мурмана, как побережья, до 1920 г. – установления советской власти в регионе. Конструирование региона происходило в связи с рассмотрением властными и управленческими институтами разных моделей колонизации, связанных с использованием преимущественно морских или в совокупности морских и наземных природных ресурсов и особенностями развития инфраструктуры, в первую очередь железной дороги. Строительство железной дороги в 1915 – 16 гг. радикально изменило существовавшие ранее пространственные отношения, оторвав Мурман от Архангельска и тесно связав его с Карелией и Петроградом, она стала играть определяющую роль в «колониционных» проектах.

Особенностью региона является пористость его границы с Норвегией в указанный период, а что обеспечивало как миграции населения, так и трансфер моделей и технологий. Ландшафтное и климатическое единство побережья, отчасти воображаемое, создавало условия для постоянного сравнения условий жизни и природных ресурсов не в пользу России и соответственно широкого обсуждения путей и способов «развития края». Определяющим для такого развития, впрочем, стала стратегическая роль региона в период Первой мировой войны. Доклад основан на анализе описаний региона как экспертами, так и властями разного уровня, материалами центральной и местной печати,

⁶ Bormanshinov A. Kalmyk Notes VI. 22. A Kalmyk Leonardo da Vinci // The Mongolia Society Newsletter. New Series. № 13 (1993).

а именно журналов “Вестник рыбопромышленности” (1886 – 1916), “Известия Архангельского Общества Изучения Русского Севера” (1909 – 1918), “Вестник Мурманской железной дороги” (1919-23) и др.

2. Илья Мотелевич Соломеш

”Блаженная страна... Ну их всех к чёрту”. Кульминация антифинляндского дискурса в Российской империи в годы Первой мировой войны

*“Разное солнце освещает метрополию и провинцию.
Двойное солнце слепило меня и оттуда, и отсюда;
я отбрасывал две тени”.*

Андрей Битов, «Путешествие из России»

Финляндия, в 1809 г. вошедшая в состав Российской империи с особым государственно-правовым статусом Великого княжества (ВКФ), до начала второй половины XIX в. не доставляла империи, в противоположность Польше, никаких проблем с точки зрения политической стабильности, эффективности управления и лояльности населения. Ситуация стала резко меняться в последней трети XIX в. В силу изменения международной ситуации, внутриимперских трансформаций и становления политической жизни в Финляндии некогда «тихая окраина» превратилась в объект и субъект политического и идеологического противостояния, получившего в имперской политической повестке наименование «финляндский вопрос».

Обострение противостояния между имперским центром и Финляндией как субъектом государственности на рубеже веков и в начале XX в. показало фактическую неразрешимость этого конфликта. Империя окончательно выбрала линию на постепенное размывание правовых институтов финляндской автономии с перспективой их полной ликвидации. С этой целью к началу Первой мировой войны была разработана детальная программа мероприятий, получившая в Финляндии название «Программа русификации 1914 года». В России, однако, предпочитали использовать термин «унификация». В рассматриваемый период наступление на финляндскую автономию отождествлялось в княжестве с фигурой генерал-губернатора Ф.А. Зейна – сторонника последовательных и решительных мер в деле обуздания «финляндского сепаратизма» и одного из главных инициаторов «Программы 1914 года».

Ни один из пунктов программы не был осуществлен, однако для жителей княжества её публикация стала важным дополнительным фактором политической радикализации, роста антироссийских и прогерманских настроений. Как в России, так и в Финляндии программу

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

воспринимали как ориентир, указывавший на окончательно выбранную модель решения финляндского вопроса. Для обеих сторон она становилась своего рода фиксацией того факта, что политический по своей природе конфликт между метрополией и Великим княжеством в стратегической перспективе не имеет вариантов быть разрешенным политическими средствами.

Начало Первой мировой войны, введение в ВКФ военного положения и связанные с этим ограничения политической деятельности, концентрация оперативных управленческих полномочий в руках военных, казалось бы, открывали для Зейна неограниченные возможности для воплощения предвоенных планов в жизнь. Однако Петроград был вынужден искать новые, соответствующие обстоятельствам военного времени практики управления Великим княжеством. В значительной степени глубоко укоренившееся представление о политической неблагонадежности финляндцев компенсировалась растущей вовлечённостью «Финляндской окраины» в систему военной экономики империи и возрастанием значимости сухопутного транзита через Финляндию в торговле с союзниками по Антанте и нейтральной Швецией. Парадоксальным образом, в сфере экономических отношений Финляндия как часть империи выступала де-факто её внешнеторговым партнером.

Ставшая уже привычной доминирующая антифинляндская риторика в российской прессе в годы войны дополняется новыми сюжетными и смысловыми линиями, перекликаясь с антинемецкой и антисемитской риторикой. Общим местом становилось рассуждение о том, что Финляндия в недостаточной степени разделяет военные тяготы империи («блаженная страна») и, напротив, наживается за счёт остальных частей империи. Принципиально новым стало обвинение финляндцев в экономической нелояльности. Этот аргумент активно использовали сторонники жёсткого курса в отношении финляндской автономии.

Тем не менее, при выработке политической линии в отношении Финляндии в Петрограде возобладали прагматические мотивы. Это не отменяло наличие широкого спектра мнений и предлагаемых действий.

С некоторыми оговорками, можно выделить несколько обсуждавшихся моделей политики в отношении Финляндии в условиях войны.

Военные круги были склонны к проведению наиболее жесткой линии, исходя из необходимости обеспечения политической безопасности в прилегающем к столице регионе. Именно в военном ведомстве были склонны прислушиваться к обвинениям в адрес Финляндии и финляндцев на страницах российской прессы и использовать эти обвинения в качестве ключевого публичного аргумента. При этом военное ведомство отвергало мысль о возможном возобновлении мобилизации финляндцев на военную службу. Очевидно, не утратили своей убедительности аргументы, с которыми в ещё в 1910 г. выступил военный министр В.А. Сухомлинов, возражавший Столыпину: в русской

армии и так высок процент инородцев, увеличение их числа за счёт финляндцев неразумно, а возвращение в Финляндию обученных военному делу демобилизованных – попросту опасно.

Министерство торговли и промышленности, рассматривая со своих позиций обвинения в экономической нелояльности, выдвигавшиеся в адрес финляндцев, фактически встало на защиту репутации последних (специальное расследование секретного Комитета под председательством П.Б. Струве в 1915-1916 г.). С некоторыми оговорками, сходных позиций придерживалось и министерство финансов.

Министерство иностранных дел справедливо полагало, что любые жёсткие действия в отношении Финляндии вызовут неудовольствие союзников и нейтральной Швеции. С.Д. Сазонов в 1915 г. призывал не возбуждать «рвения генерала Зейна» и оставить финляндцев в покое.

Линия поведения генерал-губернатора Зейна, между тем, оказалась не столь прямолинейной, как это было прежде. Обладая исключительными полномочиями, он, тем не менее, проявил сдержанность и предпочёл сосредоточиться на поддержании политической стабильности в крае. Примечательно, что Зейн какое-то время старался приуменьшить значение прогерманских настроений в княжестве.

Собственно, на пересечении этих разновекторных тенденций и складывалась линия поведения империи в отношении ВКФ в годы войны – скорее реактивная, чем проактивная. Летом 1915 г., когда ситуация с Финляндией обсуждалась в Совете министров, эту линию не без элемента экспромта и эмоциональности сформулировал председатель Совета министров И.Л. Горемыкин: «И без того у нас всё осложняется, чтобы нам ещё с финляндцами возиться. Ну их всех к чёрту. <...> Посмотрим, что дальше будет, пока же я прошу не касаться финляндского вопроса в общей постановке. У нас и без того по горло всяких вопросов. <...> А после войны – посмотрим ещё, что будет».

3. Елена Анатольевна Косован

Города степного фронта Российской империи в роли столиц независимого государства (на примере Казахстана)

Понятие «миграция» традиционно ассоциируется с перемещениями населения, реже – с передвижениями капитала. Однако в роли «мигранта» может оказаться и столица, вернее – ее статус.

Трансфер столичного статуса и символических функций столицы от одного города к другому нельзя назвать экстраординарным явлением. Такие столицы называют мигрирующими, мобильными или перипатетическими и делят их на два вида - переходящие / чередующиеся (*itinerant capitals*) и

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

блуждающие (*wandering capitals / roving capitals*). «Переходящая столица» подразумевает наличие системы городов, внутри которой происходит циклическая или ациклическая миграция столичного статуса. Институт «блуждающей столицы» подразумевает бессистемную миграцию.

«Блуждающая столица» - характерная особенность казахской государственности. В течение XX столетия столица Казахстана перемещалась из одного города в другой четырежды: из Семипалатинска в Оренбург, из Оренбурга в Кызылорду, из Кызылорды в Алма-Ату, из Алма-Аты – в Акмолу (Астану, Нур-Султан).

Постоянное обращение казахских властных элит к процедуре трансфера или реноминации столицы в случае сколько-либо значительных политических пертурбаций в стране – уникальное явление для постсоветского пространства, которое не осмыслено и не исследовано в должной степени ни в российской, ни в зарубежной историографии. В контексте же истории степной урбанизации и градоформирования, в контексте теории фронта «мигрирующая столица» не изучалась никогда, хотя ее история имеет ключевое значение для понимания особенностей суверенизации казахских земель и формирования казахской нации.

Исследование истории пяти столиц Казахстана позволяет сделать выдвинуть ряд гипотез относительно природы их «миграционной активности». На поверхности лежат два предположения: то, что казахи в 1917 г. и позже не были готовы к созданию собственного государства, и то, что города, которые они выбирали в качестве столицы, инфраструктурно не подходили на эту роль. Но есть и более сложные гипотезы.

Первое. Столица – это обычно центр реальной и символической власти. Здесь не просто сосредоточены ключевые органы управления, которые принимают решения в масштабе всей страны или союза государств. Столица – это еще и символично-географический центр, который организует все прилегающее к нему пространство и в котором в концентрированной форме выражается суть геократической стратегии данного политического режима. Под геократической стратегией мы, используя концепцию Д.Н. Замятина, понимаем манипуляции географическими образами (геообразами) – устойчивыми представлениями о территории государства, которые являются неотъемлемой частью его репрезентации и используются властными элитами для сохранения и воспроизводства определенного порядка, интеграции территории и т.п.

Если в системе основополагающих геообразов страны по тем или иным причинам есть серьезные противоречия, это несомненно отразится на институте столичности. Примером может служить «казус» Казахстана: до 1917 г. казахи не имели собственного государства, в составе Российской империи их земли находились в составе нескольких регионов: «Уральская и Тургайская

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

области возглавлялись оренбургским генерал-губернатором, Акмолинская и Семипалатинская – омским в составе Степного края. Часть южных земель вошла в Семиреченскую и Сырдарьинскую области Туркестанского края, Букеевская орда (степь) – в Астраханскую губернию. Эта раздробленность препятствовала формированию непротиворечивой образно-географической метасистемы, а значит – представлений о едином центре страны.

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов значимость стереотипных представлений о казахских землях как о *зоне (степного) пограничья*, а о городах-столицах – как об имперских *городах-форпостах* в зоне пограничья, *опорных пунктах* российской колонизации *Степи*. «Мигрирующая столица» появилась потому, что казахские политики искали город, меньше других ассоциирующийся с указанными стереотипами и больше других готовый к символическому переформатированию.

Второе. Столица – не только географический центр, но и зеркало, в котором отражаются процессы нациетворения, то, как формирующаяся нация видит себя в прошлом, то, чем она является в настоящем и то, чем она хочет стать в будущем. Недаром современный институт столиц сформировался одновременно с национальным государством. Скотт Кэмпбелл нашел очень меткий эпитет для столичного города, назвав его посредником между местной культурой и «воображаемым сообществом» национального государства, то есть нацией (в понимании Бенедикта Андерсона). К этому определению нечего добавить. Если нация – это сообщество, воображенное людьми, которые воспринимают себя как его часть, то столица должна отображать сущностные черты этого сообщества.

Кроме того, согласно теории В.И. Россмана, с которым мы солидарны, в качестве центра «воображаемого сообщества» столица должна обладать достаточными ресурсами для реализации трех основополагающих функций: воплощение власти, справедливости, национальной и гражданской идентичности. Если в силу тех или иных причин номинированная столица данные функции не выполняет, это влечет за собой утрату столичного статуса и его трансфер (перенос).

Процессы формирования казахской нации осложнены в силу объективных причин. Одним из ключевых факторов, замедляющих этническую консолидацию казахов, было жузовое деление. Идеи национально-политического самоопределения и обособления, особенно в западноевропейской трактовке, представляли интерес лишь для части немногочисленной интеллигенции, но были чуждыми для подавляющего большинства казахов, идентичность которых была неразрывно связана с кочевым образом жизни. Кроме того, в национальной историографии неоднократно отмечалось, что Казахстан – страна, которая вынуждена вечно балансировать между Европой и Азией, Западом и Востоком, христианами и мусульманами, казахами и русскими, промышленностью и сельским хозяйством, городским и сельским населением и т.д. Ощущение «промежуточности», колебания от

одного полюса к другому в совокупности с несформированной единой национальной и гражданской идентичностью – именно те факторы, которые могли поспособствовать «блужданию» столицы.

Третье. В качестве еще одной причины столичных миграций можно выделить особенности седентеризации (перехода к оседлому образу жизни) и урбанизации казахской степи. В частности, несмотря на то, что в Новое время на современной территории Казахстана и существовали города (которые выросли из русских и кокандских крепостей), к концу эпохи городским был только 1% казахского населения. Легко заметить, что все столицы Казахстана, кроме Кызылорды, - бывшие форпосты зоны российско-казахского пограничья. Скорее всего, особенности линейно-фортификационной системы освоения географического пространства Казахстана оказали свое влияние на формирование в среде казахов стереотипов о городской «стационарности». Во всяком случае, адаптация к городской жизни подразумевала различные промежуточные варианты. Таким образом, для урбанизационных процессов на территории Казахстана, как и для процессов нациотворения и формирования идентичности, были характерны промежуточность, неопределенность, длительная незавершенность.

Четвертое. Все города, которые побывали казахскими столицами, являются уникальным примером синтеза европейских, русских и среднеазиатских традиций фортификационного строительства, адаптированных к местным природно-климатическим условиям. Адаптация города к природным особенностям казахской степи была перманентным процессом, который также мог повлиять на представления о его «стационарности», в том числе легитимизировав переносы материальных или символических составляющих города в качестве средства адаптации к форс-мажорным обстоятельствам.

22 октября

Секция 4: Образы и репрезентации (2)

1. Ольга Евгеньевна Глаголева

Провинция как центр: изучение формирования локальной идентичности по материалам участия провинциального дворянства в кампании по созыву Уложенной комиссии 1767-1774 гг.

«Манифест о вольности дворянской» 1762 г. стал важной вехой на пути формирования дворянского сословия в России и положил начало складыванию локальных дворянских сообществ.

Небогатые провинциальные дворяне, составившие большинство среди тех, кто воспользовался дарованной Манифестом свободой, поспешили в свои имения, чтобы начать приведение в порядок запущенных родовых гнезд, налаживание хозяйства для обеспечения своих семейств и установление отношений с соседями. Многие из них, пройдя военную или статскую службу в столицах или в полках, где они служили и жили бок о бок с представителями высшей аристократии и столичного дворянства, и в особенности те, кто побывал в Европе во время Семилетней войны (1756-1762), становились сознательными или невольными участниками процесса «культурного трансфера», т.е. обмена идеями и понятиями между столицей и провинцией, Европой и Россией, начатого еще реформами Петра и втянувшего в свою орбиту русскую провинцию после Манифеста 1762 г.

Однако, существовало ли в провинции дворянское общество, способное «квалифицированно» воспринимать европейские идеи? Способствовали ли конкретные условия жизни провинциальных дворян адекватному восприятию транслируемых идей? Какие цели преследовали провинциальные дворяне, стремившиеся модернизировать свою жизнь на европейский или столичный лад? Семиотическая оппозиция «центр» - «периферия» одним из своих аспектов предполагает стремление «провинциалов» в «столицу». Но все ли провинциальные дворяне разделяли мечту будущих чеховских барышень «В Москву, в Москву»?

В докладе будут предложены соображения автора по поводу поставленных и подобных им вопросов, основанные, прежде всего, на исследовательских подходах локальной истории, а также на новых данных, собранных в ходе исследовательского проекта (которым я руководила) Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в.: по материалам Орловской, Тульской и Московской губерний, проводившегося под эгидой Германского исторического института в Москве. Сравнение дворянских сообществ двух типично «провинциальных» губерний и дворянства Московской губернии помогает увидеть специфические черты русского провинциализма, выявить региональные особенности культуры и быта провинциального дворянства, проанализировать формы социального взаимодействия дворян и специфику их интересов, а также особенности формирования локальной идентичности.

В ходе реализации проекта в нашей базе данных (<http://adelwiki.dhi-moskau.de/>) были накоплены сведения о почти 10 тысячах дворян трех изучавшихся регионов, созданы персональные страницы на почти 6 тысяч дворян (5805 стр.), а также собраны данные о 2,5 тысячах дворянских имений и усадеб.

Мы изучали степень вовлеченности дворян Орловской и Тульской губерний в кампанию по созыву Уложенной комиссии для проверки тезиса о том, что дворянство в целом и провинциальное дворянство в особенности приняло слабое участие в кампании и фактически проигнорировало законодательную инициативу Екатерины II (В.И. Веретенников, А.В. Флоровский, Р. Dukes).

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Тщательное изучение персонального состава подписавших указы дворян, выявление неизвестных ранее документов участия дворян в выборах и списков присланных в уездные канцелярии отзывов тех, кто не мог лично явиться на выборы, показали гораздо большее количество провинциальных дворян, проявивших активность в кампании по созыву Уложенной комиссии, чем это считалось раньше. Необходимо учитывать, что более трети дворян были формально лишены возможности принять участие в выборах, составлении и подписании наказов, а из имевших реальную возможность заявить свой «голос», как нам удалось доказать, почти половина приняла участие в кампании.

Также удалось опровергнуть и тезис о почти поголовной неграмотности дворян в провинции, что, якобы, следовало из факта, что многие дворяне не подписали сами наказ, а просили это сделать за себя других (В. Бочкарев, I. de Madariaga, P. Dukes, Я. Кузбер). Привлеченные документы биографического, экономического и эпистолярного характера конкретных дворян, делегировавших свое право подписать наказ, показали иные причины этого (болезнь, отъезд по делам, физическая невозможность явиться на подписание из-за начавшегося половодья и т.п.), что в сочетании с проведенным почерковедческим анализом подписей и других документов показало если не стопроцентный, то довольно высокий уровень грамотности провинциальных дворян двух центральных регионов.

Участие в выборах и подписании наказов в том или ином уезде, при наличии собственности в нескольких уездах, для многих было делом личного выбора. Как показали наши исследования, большинство стремилось принять участие в выборах в более «престижном» собрании дворян – в провинциальном, а не уездном центре, или даже в Москве, если обладали собственностью там. В то же время, не все дворяне разделяли подобные «центростремительные» побуждения – мы выявили ряд дворян или целых семей (Апухтины, Похвисневы, Протасовы, Хомяковы), не устремившихся в столицу, но отдавших предпочтение активной роли в своем уезде, где они могли рассчитывать быть избранными предводителями и депутатами или просто выразить свои собственные интересы через указы и тем самым упрочить свое влияние там, где проходила их жизнь.

Некоторые исследователи, анализирувавшие дворянские указы, отмечали их сословный характер, относительную бедность и узость их содержания (М.М. Богословский, А.Е. Пресняков и др.). Проанализировав указы с другой, локальной точки зрения, мы увидели дворянство, жившее в провинции, главную основу жизни которого составляла собственность, расположенная в провинции, и главные интересы которого фокусировались на проблемах, возникавших локально. В то же время, указы продемонстрировали высокую степень информированности дворян о положении дел в своей провинции, хорошее знакомство с современным законодательством и понимание способов его реформирования, а также озабоченность соображениями общественной пользы, зачастую в ущерб соблюдению собственных интересов. В некоторых отношениях провинциальные дворяне предложили

более продуманные и детальные проекты преобразования общественных сфер общегосударственного масштаба, чем это сделали указы от высших органов государственной власти (напр., вопросы о роли поверенных, состоянии дорог, банковском деле).

Выбранные провинциальным дворянством депутаты, активно участвовавшие в обсуждении различных вопросов в Уложенной комиссии, также оперировали понятиями общегосударственной пользы, выведенными из реалий собственной жизни. «Мнения» депутатов от дворянства Орловской и Тульской губерний, представленные Уложенной комиссии, демонстрировали усвоение ими и переосмысление положений Большого наказа Екатерины II, что показывает процесс «культурного трансфера» в ежедневный обиход провинциальных дворян идей Просвещения, становившихся частью их собственного мировоззрения.

Проанализированные материалы показывают, что провинциальное и столичное дворянство различалось, прежде всего, ареной действия – столичное действовало при дворе и в центральном аппарате правительства, провинциальное – на провинциальном уровне, в местных канцеляриях, в местных дворянских органах управления и т.п. Оно и осознавало себя на локальном уровне, его интересы и заботы были сосредоточены в провинции, в своем уезде, у себя в имении. Дворяне, жившие на изучавшихся территориях, осознавали свою принадлежность к локальному дворянскому сообществу, широко оперировали равнозначными понятиями дворянское «общество» и «собратство», а также «сообщество», понимая их локально.

Участие дворян со всех регионов России в кампании по созыву и в работе Уложенной комиссии не только стимулировало процесс выработки единых корпоративных интересов дворянства, но в еще большей степени и в первую очередь обеспечивало вполне различимый процесс выработки особой провинциальной идентичности, шедший параллельно с выработкой общесословной дворянской идентичности.

2. Екатерина Михайловна Болтунова

От Таганрога до Варшавы: репрезентация территорий в похоронном церемониале Александра I (1825-1826 гг.)

19 ноября 1825 г. в Таганроге, за 2 тысячи верст от своей столицы скончался император Александр I. Правление монарха, воспитанного Екатериной II в просвещенческой парадигме, принесло стране либеральные реформы, стало временем побед в войне с Наполеоном и периодом роста территории империи (в частности, Финляндия, часть польских земель (Царство Польское)).

Императора надлежало похоронить в Санкт-Петербурге и путешествие печального кортежа от берегов Азовского к берегам Балтийского моря заняло несколько месяцев. Весь период прощания с

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

монархом затянулся на более чем год и затронул сразу несколько географических и политических зон. Сначала тело императора в церемониальном порядке было провезено по территории нескольких российских губерний и через ряд крупных городов империи (Харьков, Белгород, Курск, Тула, Москва, Новгород) и, наконец, доставлено в столицу. Здесь состоялась церемония встречи останков императора и перенесение его гроба в Казанский собор, а затем, 13 марта 1826 г. похороны Александра I. Однако, погребением монарха в Петропавловском соборе Петербурга церемониальная часть императорских похорон не ограничилась. Спустя месяц в Варшаве, столице Царства Польского, входившего в состав Российской империи с 1815 г., была проведено особое поминовение монарха, символические похороны Александра I. В Польше траурные церемонии по Александру длились более двух недель и завершились огромным шествием, организованным вокруг пустого гроба, водруженного на катафалк.

Фактически траурный церемониал, выстроенный вокруг упокоения и поминовения Александра I состоял трех частей – российской региональной, петербургской и польской (варшавской). Прощание с монархом в провинциальной России, в Москве, в Петербурге, столице огромной империи и в Царстве Польском, лишь недавно присоединенном и особом в политическом отношении, имело свою специфику и, вместе с тем, было частью единого процесса. Во всех случаях вокруг гроба императора выстраивались шествия, собиравшие вместе людей конкретной губернии, уезда или города. В таких процессиях при переходе от одной территории к другой поверх демонстрации местной и имперской социальной иерархии появлялся и образ территории. Участники процессий несли знамена с гербами губерний, короны (шапки) царств, составлявших Российскую империю, а также императорские ордена. Все предметы размещались в шествии в определенном порядке, формируя географический и политический образ конкретной территории и образ империи, земли которой представляли своего рода иерархию.

При этом речь шла как о взгляде самой власти на территорию (петербургское шествие), так и о представлении регионов о существовавшем имперском многообразии. Появление (около)автономных образов российской территории начала XIX в. стало возможным по нескольким причинам, среди которых следует назвать неожиданную смерть монарха, скончавшегося вдали от столиц, и политический кризис в Петербурге (восстание декабристов). Эти события осложнили как выработку единого похоронного церемониала, так и ретрансляцию идей из столицы в регионы. Судя по сохранившимся документам, решения о формировании того или иного похоронного шествия зачастую принимались местными властями, прежде всего, губернаторами, хотя, вероятно, во взаимодействии с находившимися «при гробе» монарха членами свиты.

Анализ сохранившихся материалов Печальных комиссий позволяет сделать целый ряд

выводов относительно существовавших представлений о составе и иерархии земель Российской империи первой четверти XIX в.

- Смерть монарха и перемещение его тела с юга на северо-запад империи словно бы высветило эту территорию, делая ее более зримой при взгляде из Петербурга. Взгляд изнутри пространства, через которой двигался печальный кортеж, был иным. Он не открывал некую прежде пустую, почти несуществующую территорию, он устанавливал, точнее проговаривал языком документов, направленных императору, границы последней («обретение тела государя», происходившее «у пограничных столбов» при передвижении от губернии к губернии).
- Единственным аспектом региональных шествий, в которых проявлялось имперское разнообразие было представление орденов императора. В число последних был включен взятый монархом в Таганрог польский орден Белого орла. Награда, обладавшая не вполне проясненным статусом (не была причислена к российским орденам) была включена во все региональные траурные шествия вместе с российскими орденами и не маркировалась как «иноземная». Будучи инкорпорированной в ряд имевшихся при Александре I наград, орден Белого орла был получил чрезвычайно высокий статус, очевидно обозначающий взгляд на само Царство Польское в составе Российской империи.
- Церемония встречи печального кортежа в Москве представляет собой особое явление. Московское действо было значительно более усложненным по отношению к предыдущим церемониям, поскольку московская Печальная комиссия имела в своем распоряжении регалии из Оружейной палаты Кремля и траурный декор, доставленный из столицы. Шествие в Москве впервые представило комплексное прочтение образа территорий, входивших в состав Российской империи, и сделало зримым представление о существовавшей иерархии земель. Хотя по форме прощание с императором здесь оказалось схожим с будущей петербургской церемонией, древняя столица представила вполне самостоятельный (и даже отчасти фрондерский) образ территории. В нем принятая парадигма деления страны, отраженная в монаршем титуле сочеталась с особым видением относительно недавно приобретенных земель (Грузии, Финляндии и представленной неоднозначно Польши). При этом организаторы этого шествия активно обсуждали возможность использования шапки Мономаха, главной регалии допетровской России, рассматривая, таким образом, возможность сделать указание на историческое царское прошлое, соотнесенное с территориями вокруг Москвы.
- Кульминацией похоронных мероприятий стало траурное шествие в Петербурге. В нем

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Россия вполне предсказуемо предстала в образе великой и обширной империи. Зрителям был продемонстрирован визуализированный императорский титул Александра I, в котором перечислялись все подвластные монарху территории – от Ярославля и Рязани до Финляндии и Кабарды, от Нижнего Новгорода и Перми до Смоленска и Курляндии. Если принять во внимание, что в церемонии приняли участие представители русско-американской кампании, то очевидно, что при взгляде из Петербурга границы империи простирались за пределы евразийского континента. Описание петербургской церемонии достаточно четко артикулировало существовавшее в Петербурге (и в политическом нарративе – во всей империи) конфессиональное разнообразие. В рамках столичного действия особый статус получили Польша и Финляндия. При этом, все символы, которые могли интерпретироваться неоднозначно (как в случае с репрезентацией Польши в Москве), были исключены из шествия. Грузия была представлена как территория менее значимая.

- Для поминовения Александра I в Царстве Польском в зале ассамблей Варшавского замка была устроена «печальная зала» (*castrum doloris*), в которой на помосте был установлен символический гроб императора и выставлены специально подготовленные инсигнии (корона, скипетр, держава и меч). На гроб Александра I, покрытый порфирой, был установлен бюст покойного монарха. В католическом соборе Св. Яна был также устроен катафалк, вокруг которого на протяжении нескольких недель проходили траурные церемонии. Так же как и в России, завершением символических похорон Александра I в Варшаве стало шествие включавшее в себя «парад земель». В рамках последнего были представлены исключительно воеводства Царства Польского. Православный сегмент церемонии в Варшаве был отделен от католического. Российские полки не приняли участия в шествии, хотя были выстроены вдоль улиц. Российские мундиры Александра I в церемонию также не вошли (польские мундиры монарха были вынесены на подушках вместе с регалиями). Печатные копии молитвы за Александра I, распространявшиеся в Варшаве, были изданы на польском, французском и иврите; печатная молитва на русском языке не появилась. Фактически единственным официальным документом символических похорон Александра в Варшаве на русском языке стал приказ от 18 (30) марта по Варшавскому гарнизону об участии в символической процессии «по вечно-достойной и блаженной памяти в Бозе почивающего Государя императора Александра Павловича».

3. Екатерина Николаевна Туманик

География и ландшафт Забайкалья и Приамурья середины XIX века в «Живописном альбоме» Г.С. Бильдзюкевича

Географические сведения из «Живописного альбома» Г.С. Бильдзюкевича, недавно введенного нами в научный оборот литературно-изобразительного источника о Восточной Сибири середины XIX в., представляют несомненную научную ценность и сохраняют актуальность и по сей день. Важной особенностью «Живописного альбома» является то, что содержание текста дополняют авторские иллюстрации, что усиливает значение источника. Автором альбома является чиновник, служивший в Забайкалье и Приморской области в эпоху правления генерал-губернатора Н.Н. Муравьева и бывший действующим лицом событий, связанных с присоединением Амура⁷.

Систематизированные сведения «Живописного альбома», новые для своей эпохи, значительную часть которых составляют географические данные, имели большое значение в ракурсе освоения Забайкалья и Приамурья. Сбор и систематизация информации были связаны с расширением имперского пространства России, возрастающей ролью в этом процессе Восточной Сибири, необходимостью ее позиционирования, новыми географическими открытиями и уточнением старых географических знаний – все это было очень актуально в середине XIX в., в том числе и для реализации внешнеполитического курса Н.Н. Муравьева. Известно, что генерал-губернатор уделял пристальное внимание сбору подробных сведений о Восточной Сибири, включающих самую разностороннюю информацию по географии, истории, народонаселению, статистике региона и др. Его канцелярия располагала как новейшими, так и историческими сочинениями о Сибири, книги и рукописи доставлялись всевозможными путями из Европейской России, изыскивались на местах, чиновники практически массово отправлялись в командировки для описания округов и уездов. А некоторые, такие как Гектор Бильдзюкевич, по собственной инициативе составляли собственные записки, зная, насколько такая работа востребована и полезна. Художественный талант помогал автору усилить значение текста иллюстрациями, дополнить литературное содержание. Главной целью «Живописного альбома», как и других описаний края того времени, было расширение знаний о Сибири, а также репрезентация региона. Альбом предназначался для сведения Н.Н. Муравьева и практических нужд его администрации, а позже для публикации в виде отдельного издания.

При характеристике географии Забайкалья и Приамурья Г.С. Бильдзюкевич базируется на трех блоках информации, выделенных нами по своему объему и значению: 1) описания и виды городов и других населенных пунктов, актуализированные данные экономического и статистического характера; 2) описания бассейнов рек, описания и зарисовки природных ландшафтов и достопримечательностей; 3) описания сибирской флоры и фауны, зарисовки фауны. В докладе будут

⁷ Бильдзюкевич Г.С. Живописный альбом с приложением краткого описания замечательнейших видов и местностей на берегах р. Шилки, Амура и Восточного Океана. 1859 / Сост. Е.Н. Туманик. Новосибирск, 2005.

рассмотрены и проанализированы географические и геополитические сведения «Живописного альбома», в том числе с опорой на уникальный и информативный изобразительный материал.

Сведения о населенных пунктах. Г.С. Бильдзюкевич приводит данные о городах с описанием их точного географического положения, климатических и природных условий; с приложением статистических данных подробно описываются Чита и Нерчинск. Николаевск-на-Амуре упоминается в тексте кратко, но в альбоме помещен уникальный изобразительный источник – подробная панорама города, являющаяся одной из первых в истории. Другой уникальный изобразительный источник «Живописного альбома» представляет собой единственный сохранившийся вид-панораму Нерчинска середины XIX века. Кроме этого в альбоме помещены виды Шилкинского Завода, Екатерининского рудника, Екатерино-Николаевского золотого промысла, Усть-Стрелки, села Кызи. Снятые с натуры подробные виды-панорамы являются важнейшими изобразительными источниками по истории Забайкалья и Приамурья, дающими ценнейший материал для характеристики исторического облика городов и поселений.

Данные о бассейнах восточносибирских сибирских рек, описания ландшафтов, соседствуют со сведениями о народонаселении, экономике, транспорте, а также полезных ископаемых и минеральных источниках Забайкалья. Г.С. Бильдзюкевич подробно пишет о хозяйственном состоянии сел по бассейну реки Шилки – Бянкина, Шилкинского Завода, Горбиченской крепости (старого пограничного пункта с Китаем) и др. Бассейну Шилки и заселению его русскими Г. Бильдзюкевич придает важнейшее геополитическое значение; Шилка является для него главной артерией движения России на восток, находящейся в процессе бурного освоения и развития. Важнейшее место, конечно же, занимает в «Живописном альбоме» описание Амура, «который должен произвести немало переворотов в политической системе мира»⁸. Описание ландшафтов Приамурья (горные хребты, равнины, цепи холмов) необычайно точно и подробно, текст богато иллюстрирован. Красоты природы и природные достопримечательности воплощены автором изобразительными средствами так же тщательно, как и виды населенных пунктов (рисунки «Комарский утес», «Утесы Карсакова и Казакевича», «Хинганский хребет»).

Флора и фауна Забайкалья и Приамурья очень подробно характеризуются Г.С. Бильдзюкевичем (с непременно приложением иллюстративного материала) при описании природных условий края, придавая географической информации «Живописного альбома» дополнительный колорит. Наряду с природно-климатическими условиями, биогеографический компонент был очень важен для создания представления о среде обитания на русском фронтире,

⁸ Там же. С. 76.

границы которого при Н.Н. Муравьеве-Амурском стремительно продвинулись к берегам Тихого океана.

Тщательно собранные Г.С. Бильдюкевичем и представленные им в «Живописном альбоме» сведения способствовали формированию идентичности регионального пространства и интеграции огромных территорий Забайкалья и Приамурья в империю. Географическая составляющая является наиболее презентативной частью «Живописного альбома», имеющей актуальное значение для современной науки, прежде всего, благодаря своей прочной сопряженности с иллюстративным материалом. Географические данные, зафиксированные Г.С. Бильдюкевичем были очень важны для середины XIX века, так как они касались вновь осваиваемых земель. Обстоятельные характеристики «Живописного альбома» точны и картографичны. Их значение дополнительно усиливается тем, что точных топографических карт «Амурской страны» тогда еще не было⁹. Сегодня же географические описания Г.С. Бильдюкевича могут помочь выявить изменения природного ландшафта за прошедшие полтора столетия.

Секция 5: Экономический взгляд на регион

1. Кэтрин Пикеринг-Антонова

“There Was No Proto-Industrialization: How Regions are the Key to Understanding Russian Economic Development”

The term “proto-industrialization” was developed out of stage theories of economics embraced both by Marxists who used it to show the inevitability of capitalism giving way eventually to socialism and by capitalists to show the inevitability of capitalist growth. Today both versions of the stage theory of economics have been debunked by thorough empirical research all over the world, and almost all economic historians have abandoned both sets of broad ideological assumptions.

The concept of proto-industrialization emerged in the 1970s to describe the transition from agricultural Europe to the industrial economies of the late nineteenth century that were defined by mechanized production, global trade networks, and mobile, wage-earning labor. The first generation of proto-industrial studies proposed that population growth, expanding trade, and a supposed “loosening [of] ties” in the feudal system caused increased specialization of labor in the countryside and the infiltration of merchant intermediaries, leading to the accumulation of capital and organized networks that in turn made full

⁹ Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М., 1982. С. 191.

industrialization possible.¹⁰ Research on what used to be known as the proto-industrialization stage in various parts of the world has shown that in reality that particular kind of economic activity was not always necessary to later mechanization, was not any more likely to lead to further mechanization than it was to lead to stasis or decline, and that the preconditions leading to that “stage” are also different depending on where you look.¹¹ In other words, once we abandon the ideological frameworks that led us to expect development to come in a certain order, historians could see the evidence that there is instead infinite variation in economic development according to *place* and *circumstance*.

There has been another problem impeding our understanding of proto-industrialization that has manifested most specifically in the technology of textile production, which in most places was women’s work, at least until full mechanization, and was studied until recent decades by mostly male historians. These historians, regardless of their political ideologies, brought assumptions about labor and technology that equally blinded them to the evidence. Assuming as they did that the more complex a machine the better its product, they looked for where and when the most complex machines appeared and used that as a marker of “successful” development. Assuming also that the more urban the worker the more complex their work – that a group of workers in a factory or workshop setting was inherently more sophisticated than individual workers producing goods in their homes and that male workers operating more dangerous machines were inherently producing better or more sophisticated goods than women workers operating less dangerous machines – they were blinded to who was actually producing what. Decades of work by gender historians who studied

¹⁰ Franklin F. Mendels, “Proto-Industrialization: The First Phase of the Industrialization Process,” *Journal of Economic History* 31 (1972), 269-71, based on his 1969 dissertation.

¹¹ Sheilagh Ogilvie and Markus Cerman, *European Proto-Industrialization: An Introductory Handbook* (Cambridge University Press, 1996); Elizabeth A. R. Brown, “The Tyranny of a Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe,” *American Historical Review* 79, no. 4 (October 1974): 1063–1088; Susan Reynolds, *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted* (Clarendon Press, 1996); Robert C. Allen, “Progress and Poverty in Early Modern Europe,” *The Economic History Review* 56, no. 3 (2003): 403–443 and *The British Industrial Revolution in Global Perspective* (New York: Cambridge University Press, 2009); Joel Mokyr, *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy* (Princeton N.J.: Princeton University Press, 2005), *A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy* (Princeton: Princeton University Press, 2016). Lynn White Jr., “Technology Assessment from the Stance of a Medieval Historian,” *American Historical Review* 79:1 (Feb 1974), 1-13; Sven Beckert, *Empire of Cotton: A Global History* (New York, 2014). Dilip Gaonkar, ed. *Alternative Modernities* (Duke UP, 2001); Shmuel Eisenstadt, *Comparative Civilizations and Multiple Modernities* (Brill, 2003); Barbara Hahn, “Spinning through the History of Technology: A Methodological Note,” *Textile History* 47:2 (2016), 227-242; Maxine Berg, “Skill, Craft and Histories of Industrialisation in Europe and Asia,” *Royal Historical Society (London, England). Transactions of the Royal Historical Society; Cambridge* 24 (December 2014): 127–148; Kevin J. James, “The Hand-Loom in Ulster’s Post-Famine Linen Industry: The Limits of Mechanization in Textiles’ ‘Factory Age,’” *Textile History* 35, no. 2 (November 2004): 178–191; David Rollison, “Discourse and Class Struggle: The Politics of Industry in Early Modern England,” *Social History* 26, no. 2 (2001): 166–189; Lex Heerma van Voss et al., eds., *The Ashgate Companion to the History of Textile Workers, 1650 - 2000* (Farnham: Ashgate, 2010). See Paola Bertucci, *Artisanal Enlightenment: Science and the Mechanical Arts in Old Regime France* (Yale University Press, 2017); and Adelheid Voskuhl, *Androids in the Enlightenment: Mechanics, Artisans, and Cultures of the Self* (University of Chicago Press, 2013). On artisanal development in Russia, though also not in the textile sphere, see V.S. Virginskii, *Ivan Ivanovich Polzunov 1729-1766* (Moscow, 1989); *Cherepanyvy* (Sverdlovsk, 1987); and *Zamechatel'nye russkie izobretateli Frolovy* (Moscow, 1950); N.M. Raskin, *Ivan Petrovich Kulibin 1735-1818* (Moscow, 1962).

women's work for its own sake has now revealed overwhelming empirical evidence that these assumptions, too, do not hold up.¹²

In the Russian context, though, we have still not revisited protoindustrialization, especially in textiles, to specifically debunk these false assumptions as they apply here or to identify or elucidate the empirical evidence from this context.¹³ Economic historians of Russia have dropped the stage concept of development and there is considerable work being done on development in later periods, on other aspects of economic development besides textiles, and especially effective recent work reevaluating the nature of serf labor.¹⁴ However, textile development was the case exemplar used by both Marxist and capitalist historians to explain the stage theory of development and it is still usually taught that way to students. In Russia, especially, the textile industry came early and was especially important economically, and was also arguably the central industry in the development of radicalized labor, and the primary industry employing women after full mechanization as well as before. It's importance cannot be underestimated, yet we're still relying on outdated and largely non-empirical research that is tainted by ideological biases.

I cannot even begin to fill in all of these gaps, obviously. What I propose in this presentation and in the slightly longer article I'm preparing is to point to some of the evidence already available and suggest a framework for further research. Based on the evidence available so far and the now-obvious fact that economic development varies enormously by place and circumstance, my main argument is that an accurate

¹² Hunter and Macnaughton, "Gender and the Global Textile Industry" in Lex Heerma van Voss et al., eds., *The Ashgate Companion to the History of Textile Workers, 1650 - 2000* (Farnham: Ashgate, 2010), 703-724; Deborah Simonton, *A History of European Women's Work: 1700 to the Present* (Psychology Press, 1998); Barbara Hanawalt, ed., *Women and Work in Pre-Industrial Europe* (Indiana University Press, 1986); Martha C. Howell, ed., *Women, Production and Patriarchy in Late Medieval Cities* (Chicago University Press, 1986).

¹³ I.V. Meshalin, *Tekstil'naia promyshlennost' krestian Moskovskoi gubernii v XVIII i pervoi polovine XIX veka*. Moscow, 1950; S.G. Strumilin, *Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii i SSSR* (Moscow: Nauka, 1966); Lenin: *Development of Capitalism in Russia* (Moscow, 1974); and I. D. Koval'chenko, *Russkoe krepostnoe krest'ianstvo v pervoi polovine XIX v.* (Moscow, 1967). D. Thorner, R.E.F. Smith and B. Kerblay, eds. and trans., *Chayanov and the Theory of Peasant Economy*, (Homewood, 1966), 111-112; and V.V. Volkov, "Spor o russkoi promyshlennosti XVIII - pervoi poloviny XIX veka: dva problemnykh voprosa otechestvennoi istoriografii. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 3 (2007), 115-122; Samuel Baron, "The Transition from Feudalism to Capitalism in Russia," *American Historical Review* 77 (1972): 715-729; Andrzej Walicki, *The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists* (New York: Oxford University Press, 1969); William L. Blackwell, *The Beginnings of Russian Industrialization, 1800-1860* (Princeton, NJ: Princeton UP, 1968); and Ivan T. Berend, *History Derailed: Central and Eastern Europe in the Long Nineteenth Century* (University of California Press, 2003).

¹³ Edgar Melton, "Proto-Industrialization, Serf Agriculture and Agrarian Social Structure: Two Estates in Nineteenth-Century Russia," *Past & Present*, no. 115 (1987): 69-106 and "The Magnate and Her Trading Peasants in Serf Russia: Countess Lieven and the Baki Estate, 1800-1820," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 47, no. 1 (1999): 40-55; Richard L. Rudolph, "Family Structure and Proto-Industrialization in Russia," *The Journal of Economic History* 40, no. 1 (1980): 111-118 and "Agricultural Structure and Proto-Industrialization in Russia: Economic Development with Unfree Labor," *The Journal of Economic History* 45, no. 1 (1985): 47-69; Klaus Gestwa, *Proto-Industrialisierung in Russland: Wirtschaft, Herrschaft und Kultur in Ivanovo und Pavlovo, 1741-1932* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999).

¹⁴ Tracy K. Dennison, *The Institutional Framework of Russian Serfdom* (Cambridge University Press, 2011); Boris Gorshkov, *Peasants in Russia from Serfdom to Stalin: Accommodation, Survival, Resistance* (London, UK ; New York, NY: Bloomsbury Academic, 2018); and Susan Smith-Peter "The Sugar Beet Industry, Agricultural Societies and Agrarian Transformations in the Russian Empire 1818-1913 », *Cahiers du monde russe* 2016/1 (Vol. 57), p. 101-124.

empirical understanding of Russian industrialization of textiles and economic development more broadly must be fundamentally regional: empirical assessment of regional conditions can identify and explain what developed, when, and why.

In my presentation I will demonstrate a few of the ways that technological misunderstanding has blinded us to the actual regional circumstances of development and I will name 3 examples of early textile industry in Russia during the period of “proto-industrialization” (c. 1800-1860) that show not “stages of development” but instead regional variations: based on differential access to fairs, markets, or transportation networks (which privileged places like Moscow or Nizhny-Novgorod), differences in the cost-effectiveness of importing raw materials versus raising flax or wool (which shaped the development of Ivanovo), or local specializations that offered advantages in training and what we would now call “branding” (as in Orenburg).

I will show that “skilled laborers” are not synonymous with “urban,” “free,” or male workers, but instead that there was a range of specialized craftspeople including serfs apprenticed in towns and serfs who did highly-skilled work within their own *izba* or in an estate outbuilding, while the workers first consolidated into workshops or early factories were sometimes--depending on the textile process involved--actually less skilled and produced lower-quality goods. I will show that both men and women produced textiles using minimal mechanization and that gender does not correlate with the complexity of their tasks or the quality of what they produced; rather, the gender of the laborer was determined as much by local labor conditions as by traditional understandings of gender roles and traditional means of passing down skills.

Today it is accepted practice to divide the central provinces of pre-Emancipation Russia into “black earth” versus “non-black earth” regions or an industrial “north” or “center” versus an agricultural “south,” yet these generalizations derive from assumptions about a supposedly empty and undifferentiated “*provintsiia*” and they obscure how early industrial development actually occurred.¹⁵ The key factors determining what could be made, where, and when, were mostly local. This realization means that a great deal of further research is

¹⁵ Anne Lounsbery, *Life is Elsewhere: Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800-1917* (Northern Illinois University Press, 2019); Susan Smith-Peter, *Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth-Century Russia* (Brill, 2018); Smith-Peter, “How to Write a Region: Local and Regional Historiography,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 5, 3 (Summer 2004): 527-42”; Edith W. Clowes, Gisela Erbslöh and Ani Kokobobo, eds., *Russia’s Regional Identities: The Power of the Provinces* (Routledge, 2018); Catherine Evtuhov, *Portrait of a Province: Economy, Society, and Civilization in Nineteenth-Century Nizhnii Novgorod* (University of Pittsburgh Press, 2011); Edgar Melton, “The Magnate and her Trading Peasants in Serf Russia: Countess Lieven and the Baki Estate, 1800-1820,” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 47 (1999); and Katherine Pickering Antonova, *An Ordinary Marriage: The World of a Gentry Family in Provincial Russia* (New York: Oxford University Press, 2013). See also Katherine Pickering Antonova, “‘Prayed to God, Knitted a Stocking’: Needlework on a Nineteenth-Century Russian Estate,” *Experiment: A Journal of Russian Culture* 22 (2016), 1-12..

required before we can achieve a full understanding of Russian economic development, and that research must be regional before it can be accurately synthetic.¹⁶

«Протоиндустриализации не было: регионы как ключ к пониманию экономического развития России»

Понятие о протоиндустриализации основывается на теориях стадий экономического развития, разработанных как марксистами, ставившими себе целью показать неизбежность замены капитализма социализмом, так и их оппонентами, стремившимися показать неизбежность экономического роста при капитализме. Сегодня обе разновидности теории стадий экономического роста опровергнуты многочисленными эмпирическими исследованиями, и почти все историки экономики отказались от использования подобных идеологических постулатов.

Протоиндустриализация определяется как переходная стадия от сельскохозяйственной экономики к промышленному производству, утвердившемуся в Европе к концу XIX века и характеризовавшемуся механизированным способом производства, развитием глобальных коммерческих связей и использованием мобильной наемной рабочей силы. Первые исследования, использовавшие это понятие в 1970-х годах, утверждали, что рост населения, расширение торговых связей и предполагаемое «ослабление связей» феодальной системы производства вело к большей специализации рабочей силы в сельской местности и проникновению туда посредников из торговых сословий, приводя к накоплению капитала и возникновению организованных сетей производства и торговли, которые, в свою очередь, создали предпосылки для промышленной революции.¹⁷ Однако исследования процессов протоиндустриализации в различных странах мира показали, что в реальности подобная разновидность организации производства вовсе не была необходимой предпосылкой последующей механизации промышленности и не вела к ее механизации с большей вероятностью, чем к застою или упадку. Предпосылки, ведущие к предполагаемой «стадии» протоиндустриализации, также сильно варьируются.¹⁸ Другими словами, когда исследователи освобождаются

¹⁶ Such as Alison K. Smith, “A Microhistory of the Global Empire of Cotton: Ivanovo, the Russian Manchester,” *Past & Present* 244, no. 1 (August 2019): 163-193.

¹⁷ Franklin F. Mendels, “Proto-Industrialization: The First Phase of the Industrialization Process,” *Journal of Economic History* 31 (1972), 269-71, based on his 1969 dissertation.

¹⁸ Sheilagh Ogilvie and Markus Cerman, *European Proto-Industrialization: An Introductory Handbook* (Cambridge University Press, 1996); Elizabeth A. R. Brown, “The Tyranny of a Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe,” *American Historical Review* 79, no. 4 (October 1974): 1063–1088; Susan Reynolds, *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted* (Clarendon Press, 1996); Robert C. Allen, “Progress and Poverty in Early Modern Europe,” *The Economic History Review* 56, no. 3 (2003): 403–443 and *The British Industrial Revolution in Global Perspective* (New York: Cambridge University Press, 2009); Joel Mokyr, *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy* (Princeton N.J.: Princeton University Press, 2005), *A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy* (Princeton: Princeton University Press, 2016). Lynn White Jr., “Technology Assessment from the Stance of a Medieval Historian,” *American Historical Review* 79:1 (Feb 1974), 1-13; Sven Beckert, *Empire of Cotton: A Global History* (New York, 2014). Dilip Gaonkar, ed. *Alternative Modernities* (Duke UP, 2001); Shmuel Eisenstadt, *Comparative Civilizations and Multiple Modernities* (Brill, 2003); Barbara Hahn, “Spinning through the History of Technology: A Methodological Note,” *Textile History* 47:2 (2016), 227-242; Maxine Berg, “Skill, Craft and Histories of Industrialisation in Europe and Asia,” *Royal Historical Society (London, England). Transactions of the Royal Historical Society; Cambridge* 24 (December 2014): 127–148; Kevin J. James, “The Hand-Loom in Ulster’s Post-Famine Linen Industry: The Limits of Mechanization in Textiles’ ‘Factory Age,’” *Textile History* 35, no. 2 (November 2004): 178–191; David Rollison, “Discourse and Class Struggle: The Politics of Industry in Early Modern England,” *Social History* 26, no. 2 (2001): 166–189; Lex Heerma van Voss et al., eds., *The Ashgate Companion to the History of Textile Workers, 1650 - 2000* (Farnham:

от идеологического постулата, утверждающего, что экономическое развитие всегда должно происходить в определенной последовательности, то сразу находятся многочисленные подтверждения тому, что такое развитие отличается неограниченным разнообразием в зависимости от *места и обстоятельств*.

Существует и другой фактор, затрудняющий понимание процессов protoиндустриализации, проявляющий себя в первую очередь в исследованиях развития технологий текстильного производства, которое чаще всего являлось женской работой, по крайней мере до полной механизации производства, и которое до недавнего времени изучалось главным образом историками-мужчинами. Эти исследователи, вне зависимости от их идеологических установок, делали допущения о технологии и о составе рабочей силы, которые заставляли их игнорировать эмпирические данные. Предполагая, что более сложные механизмы обязательно производят более качественный продукт, они выясняли, где и когда появились самые сложные машины и рассматривали их как признаки «успешного» экономического развития. Также подразумевая, что труд урбанизированных рабочих был более сложным – т.е., что рабочие, занятые в мастерских и на фабриках были более искусны чем те, кто работал дома поодиночке, и что рабочие-мужчины, использовавшие более опасные для здоровья машины должны были производить более качественные или более сложные товары, чем работницы, использовавшие менее опасные механизмы – исследователи protoиндустриализации не могли разобраться в том, кто и что производил в действительности. Десятилетия работы историков гендерных ролей, изучавших труд женщин также убедительно подтверждают, что такие предпосылки не выдерживают критики.¹⁹

Что же касается истории экономического развития России, историки до сих пор не рассмотрели понятие protoиндустриализации, в особенности в текстильной промышленности, с точки зрения разоблачения этих ложных установок и введения в оборот и анализа эмпирических данных.²⁰ С одной стороны, историки

Ashgate, 2010). See Paola Bertucci, *Artisanal Enlightenment: Science and the Mechanical Arts in Old Regime France* (Yale University Press, 2017); and Adelheid Voskuhl, *Androids in the Enlightenment: Mechanics, Artisans, and Cultures of the Self* (University of Chicago Press, 2013). On artisanal development in Russia, though also not in the textile sphere, see V.S. Virginskii, *Ivan Ivanovich Polzunov 1729-1766* (Moscow, 1989); *Cherepanyuy* (Sverdlovsk, 1987); and *Zamechatel'nye russkie izobretateli Frolovy* (Moscow, 1950); N.M. Raskin, *Ivan Petrovich Kulibin 1735-1818* (Moscow, 1962).

¹⁹ Hunter and Macnaughton, "Gender and the Global Textile Industry" in Lex Heerma van Voss et al., eds., *The Ashgate Companion to the History of Textile Workers, 1650 - 2000* (Farnham: Ashgate, 2010), 703-724; Deborah Simonton, *A History of European Women's Work: 1700 to the Present* (Psychology Press, 1998); Barbara Hanawalt, ed., *Women and Work in Pre-Industrial Europe* (Indiana University Press, 1986); Martha C. Howell, ed., *Women, Production and Patriarchy in Late Medieval Cities* (Chicago University Press, 1986).

²⁰ I.V. Meshalin, *Tekstil'naia promyshlennost' krestian Moskovskoi gubernii v XVIII i pervoi polovine XIX veka*. Moscow, 1950; S.G. Strumilin, *Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii i SSSR* (Moscow: Nauka, 1966); Lenin: *Development of Capitalism in Russia* (Moscow, 1974); and I. D. Koval'chenko, *Russkoe krepostnoe krest'ianstvo v pervoi polovine XIX v.* (Moscow, 1967). D. Thorner, R.E.F. Smith and B. Kerblay, eds. and trans., *Chayanov and the Theory of Peasant Economy*, (Homewood, 1966), 111-112; and V.V. Volkov, "Spor o russkoi promyshlennosti XVIII - pervoi poloviny XIX veka: dva problemnykh voprosa otechestvennoi istoriografii. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 3 (2007), 115-122; Samuel Baron, "The Transition from Feudalism to Capitalism in Russia," *American Historical Review* 77 (1972): 715-729; Andrzej Walicki, *The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists* (New York: Oxford University Press, 1969); William L. Blackwell, *The Beginnings of Russian Industrialization, 1800-1860* (Princeton, NJ: Princeton UP, 1968); and Ivan T. Berend, *History Derailed: Central and Eastern Europe in the Long Nineteenth Century* (University of California Press, 2003).

²⁰ Edgar Melton, "Proto-Industrialization, Serf Agriculture and Agrarian Social Structure: Two Estates in Nineteenth-Century Russia," *Past & Present*, no. 115 (1987): 69–106 and "The Magnate and Her Trading Peasants in Serf Russia: Countess Lieven and the Baki Estate, 1800-1820," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 47, no. 1 (1999): 40–55; Richard L. Rudolph, "Family Structure and Proto-Industrialization in Russia," *The Journal of Economic History* 40, no. 1 (1980): 111–118 and "Agricultural

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

российской экономики отказались от теории стадий развития, большая работа проделывается по изучению экономического развития в более поздние периоды и в других областях экономики помимо текстиля. В особенности нужно отметить появившиеся недавно прекрасные работы на тему эффективности труда крепостных крестьян.²¹ Тем не менее, не нужно забывать, что развитие текстильной промышленности служило эталоном как для историков-марксистов, так и для их оппонентов-«капиталистов» для объяснения стадий развития, и по-прежнему подается в литературе с этой точки зрения. В России, в особенности, текстильная промышленность возникла довольно рано и имела особенно важное экономическое значение, кроме того, она играла значительную роль в процессе радикализации промышленных рабочих и, вдобавок, использовала труд женщин особенно активно, как до, так и после завершения процесса механизации производства. Значение текстильного производства нельзя недооценивать, однако мы до сих пор используем устаревшие исследования, не основанные на эмпирических данных и наполненные идеологическими предубеждениями.

Данная статья, конечно же, не может восполнить все эти недостатки. Вместо этого, я хочу обратить внимание на некоторые данные, уже доступные исследователям, а также предложить структуру для проведения дальнейшей работы. На основе уже сейчас доступных данных и того очевидного факта, что формы экономического развития сильно различаются в зависимости от места и различных прочих обстоятельств, мой основной тезис состоит в том, что эмпирически обоснованное понимание российской индустриализации текстильной промышленности, а также общего экономического развития должно быть основано на региональной перспективе, т.е., эмпирическое исследование местных условий может выявить и объяснить, что именно развивалось, когда и почему.

В своем докладе я приведу несколько примеров того, как непонимание технологических аспектов текстильной промышленности не позволяло нам понять существовавшие в действительности региональные условия ее развития. Я также обозначу три примера раннего развития текстильной промышленности в России в период «протоиндустриализации» (около 1800-1860), которые выявляют не «стадии развития», а вместо этого региональные вариации, происходившие от неравномерного доступа к ярмаркам, рынкам и транспортным потокам (которые благоприятствовали таким регионам, как Московская и Нижегородская губернии), различиям в рентабельности импорта сырья и его производства, например льна или шерсти (которые определили развитие ивановского промышленного района), или местной специализации, которая могла предоставить преимущества в отношении воспроизводства навыков и того, что мы сейчас называем «брендингом» (например, в Оренбурге).

Я также утверждаю, что разряд «квалифицированных» рабочих – не одно и то же, что рабочие, которые были «урбанизированными», «свободными» или мужчинами, но что вместо этого существовал континуум

Structure and Proto-Industrialization in Russia: Economic Development with Unfree Labor,” *The Journal of Economic History* 45, no. 1 (1985): 47–69; Klaus Gestwa, *Proto-Industrialisierung in Russland: Wirtschaft, Herrschaft und Kultur in Ivanovo und Pavlovo, 1741-1932* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999).

²¹ Tracy K. Dennison, *The Institutional Framework of Russian Serfdom* (Cambridge University Press, 2011); Boris Gorshkov, *Peasants in Russia from Serfdom to Stalin: Accommodation, Survival, Resistance* (London, UK ; New York, NY: Bloomsbury Academic, 2018); and Susan Smith-Peter “The Sugar Beet Industry, Agricultural Societies and Agrarian Transformations in the Russian Empire 1818-1913 », *Cahiers du monde russe* 2016/1 (Vol. 57), p. 101-124.

специализированных работников, включая крепостных крестьян, поступавших на работу в городах, а также тех, которые занимались высококвалифицированным трудом в своих избах или в помещичьих имениях, тогда как рабочие, которые были первоначально заняты в мастерских и мануфактурах иногда – в зависимости от конкретного технологического процесса производства текстиля, – на самом деле производили товары низшего качества и имели более низкую квалификацию. Я покажу, что и мужчины, и женщины производили текстиль, используя механизмы в минимальной степени, и что гендер работников не соответствовал сложности производства или качеству продукта. Вместо того, гендер работника определялся как местными условиями рабочей силы, так и традиционными понятиями о гендерных ролях и традиционными механизмами воспроизводства необходимых навыков производства.

В настоящее время широко распространено разделение центральных губерний дореформенной России на чернозёмные и нечернозёмные, или же промышленный «север» или «центр» и сельскохозяйственный «юг», однако эти обобщения основаны на постулатах о предположительно пустой и монолитной «провинции», закрывая то, как рано промышленное развитие в действительности началось в России.²² Основные факторы, определяющие, что, где и когда производилось, были локальными. Понимание этого означает, что нам все еще необходимо проделать огромную исследовательскую работу, и что исследования должны быть местными и региональными прежде, чем делать обширные синтетические обобщения.

2. Владимир Анатольевич Шкерин

Горный город Екатеринбург как несостоявшаяся столица вольнонаемного труда в России

В контексте либеральных преобразований «дней Александровых пре-красного начала» учреждение в России горных городов упоминается не часто. Между тем это одна из первых «окраинных» реформ Александра I, действие которых в случае успеха могло быть распространено на всю территорию империи.

При проведении министерской реформы 1802 г. Берг-коллегия и Монет-ный департамент отошли к Министерству финансов. Горное чиновничество поспешило воспользоваться этой переменой для избавления от опеки гражданских властей. Главный начальник Канцелярии заводов правления и монетных дел в Екатеринбурге А. С. Ярцов и начальник Гороблагодатских и Пермских заводов А. Ф. Дерябин представили записку, для рассмотрения которой был образован «особенный

²² Anne Lounsbery, *Life is Elsewhere: Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800-1917* (Northern Illinois University Press, 2019); Susan Smith-Peter, *Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth-Century Russia* (Brill, 2018); Smith-Peter, “How to Write a Region: Local and Regional Historiography,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 5, 3 (Summer 2004): 527-42”; Edith W. Clowes, Gisela Erbslöh and Ani Kokobobo, eds., *Russia’s Regional Identities: The Power of the Provinces* (Routledge, 2018); Catherine Evtuhov, *Portrait of a Province: Economy, Society, and Civilization in Nineteenth-Century Nizhnii Novgorod* (University of Pittsburgh Press, 2011); Edgar Melton, “The Magnate and her Trading Peasants in Serf Russia: Countess Lieven and the Baki Estate, 1800-1820,” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 47 (1999); and Katherine Pickering Antonova, *An Ordinary Marriage: The World of a Gentry Family in Provincial Russia* (New York: Oxford University Press, 2013). See also Katherine Pickering Antonova, “‘Prayed to God, Knitted a Stocking’: Needlework on a Nineteenth-Century Russian Estate,” *Experiment: A Journal of Russian Culture* 22 (2016), 1-12.

Результатом работы комитета стал «Проект горного положения», поданный императору министром финансов А. И. Васильевым и высочайше утвержденный 13 июля 1806 г. Предполагалось, что проект был принят в виде опыта до 1812 г., однако действие его продлилось вплоть до издания первого Свода законов (1832 г.) и предопределило содержание позднейший Уставов горных.

В числе иных новаций «Проекта» пунктом 16-м оговаривалось учреждение в России горных городов. Документ отчасти апеллировал к авторитету Петра I, но главным образом ссылался на опыт Европы, где в «вольных Горных городах» (Bergstädte) сформировался класс особых «горных людей» (Bergleute): «Несмотря на тягость работ, сопряженных со всегдашней опасностью жизни, данные сим городам права и преимущества столько привязали горных людей к их состоянию, что они его ... почитают первейшим состоянием, и нет более для них наказания, как быть исключену из состояния горных людей...».

«Права», «преимущества» и особенно «воля» объясняли, по мнению авторов документа, причины успеха горных городов в Европе и неудачи их российского варианта в XVIII в.: «Производство горных работ вольными людьми, а не из принуждения, людьми, гордящимися своим состоянием, и вообще упражнение сих людей в горных промыслах, следовательно, науках, как собственно горных, так и тех, кои сим служат вспомогательными, не только усовершенствовало горные работы, но и возвело на высшую степень совершенства умозрительную часть Горных Наук. <...> Если бы с учреждения Горных городов в России ... Правительство непрерывно следовало сим началам, то, вероятно, многие заводы или, по крайней мере, многие работы были бы исправляемы уже вольными людьми. В учреждении горных городов сей предмет есть главнейший, и сия польза не только для заводов, но и для государства есть самая важнейшая». Показательно, как проект смещал ценностные акценты: в Европе вольный труд способствовал развитию горных наук и промышленности, в России же сами горные города предлагалось учреждать ради распространения вольного труда.

Несовместимость горных городов с крепостничеством декларировалась и далее: «Но как заводы частных людей населены большею частию крепостными их людьми, то ни имя, ни права Горных городов были бы несовместны с их положением, ни с правами собственности заводчиков. Однако ж, дабы не отнять у них средств сделать сии селения городами, если они найдут в том свои выгоды и найдут оным надлежащую свободу, то им предоставляется Горным Положением просить от Правительства означенных прав для Горного города. Сие положение послужит новым средством для приведения заводов в состояние исправлять свои работы вольными людьми, но не из

принуждения». Забегая впе-ред, отметим, что до конца крепостной эпохи никто из уральских горнозавод-чиков не воспользовался предоставленной возможностью.

«Проект» предусматривал учреждение пяти горных городов по числу существовавших тогда на Урале казенных горнозаводских округов: Екатерин-бург – для Екатеринбургского округа, Кушвинский завод – для Гороблагодат-ского, Богословский – для Богословского, Юговский – для Пермского и Ижев-ский – для Камско-Воткинского. В 1807 г. искомый статус горного города по-лучил Екатеринбург.

Географически Урал располагался едва ли не в центре империи, однако с точки зрения столичного Петербурга, оставался одной из имперских окраин. С этой оговоркой попытка организовать «производство горных работ вольными людьми» на уральских заводах опережала иные «окраинные» либеральные ре-формы Александра I – в разной степени успешные и завершенные. В 1809 г. император объявил о сохранении конституции присоединенной Финляндии, в 1815 г. была обнародована конституция Царства Польского, в 1816 г. царь от-менил крепостное право в Эстляндии и в 1817–1819 гг. – в Курляндии и Лиф-ляндии, в 1818 г. попытался ограничить его в Малороссии. Общим здесь вы-ступает стремление опереться на региональные элиты, менее или вовсе не за-интересованные в сохранении крепостнического status quo в противовес влия-тельному тандему великорусского дворянства и столичной бюрократии.

Что касается проекта учреждения горных городов, то вскоре монарх, а за ним и правительство охладели к этой затее. Помимо Екатеринбурга, админи-стративные центры иных казенных округов Урала городского статуса не удо-стоились. Екатеринбург же оказался в трудном положении. Как горный город он состоял в подчинении у горных властей. Но не был отменен и его уездный статус, и в этом качестве город остался в ведении губернской администрации. Ни горная, ни губернская власти не желали отказываться от контроля над са-мым крупным и богатым городом Пермской губернии.

К середине XIX в. отмеченное противоречие переросло в острый межве-домственный конфликт (главный начальник горных заводов хребта Уральского против пермского гражданского губернатора и министр финансов против ми-нистра внутренних дел), следствием которого стала передача Екатеринбурга в 1851 г. в исключительное ведение горных властей. В 1854 г. конфликт возоб-новился из-за посещения Екатеринбурга новым пермским губернатором без ве-дома главного начальника заводов и длился до 1859 г., когда министр внутре-них дел С. С. Ланской вынужденно признал, что «Екатеринбургская Городская Дума ... должна находиться в прямой зависимости от Горного Начальства и не может быть подчинена гражданскому управлению».

Горные власти торжествовали победу. Уральский классик Д. Н. Мамина-Сибиряк писал о

Екатеринбурге первой половины XIX в.: «Это было настоящее государство в государстве, беспрецедентное существование которого требует серьезного изучения: тут были свои законы, свой суд, свое войско и совершеннейший произвол над сотнями тысяч горнозаводского населения». Оазисом же вольного труда горный город так и не стал. На его предприятиях, конечно, не было крепостных, но казенных мастеровых и неперенных (урочных) работников, приравненных по статусу к военным служащим, вольными людьми назвать также нельзя. Не случайно реформы Александра II стерли статус горного города как неудавшийся эскиз былых преобразований: сенатским указом 1863 г. Екатеринбург был передан из горного ведомства в гражданское.

Секция 6: Люди и диалекты

1. Иван Андреевич Головнев

Ученый камчадал из страны вулканов: Прокопий Новограбленов и его образы Камчатки первой трети XX века.

В исследовании освещается уникальная страница в истории научного освоения Камчатки – творчество Прокопия Трифионовича Новограбленова (1892 – 1934) – первого потомственного камчадала, посвятившего себя всестороннему описанию края.

Основной именной фонд исследователя хранится в Приморском отделении Русского географического общества (г. Владивосток); фрагментарно материалы о жизни деятельности П.Т. Новограбленова представлены в фондохранилищах Камчатского краеведческого музея и Государственного архива Камчатского края (г. Петропавловск-Камчатский).

За период деятельности с конца 1910-х по начало 1930-х гг. П.Т. Новограбленову удалось кардинально преобразить исследовательскую среду и работу в крае. Он активно сотрудничал с российскими (В.К. Арсеньев, П.И. Полевой, В.А. Обручев, В.Л. Комаров, С.Ф. Ольденбург и др.) и зарубежными (С. Бергман, Э. Хульстен, Р. Малэс и др.) учеными, стал основателем музея и краеведческого общества на Камчатке, автором порядка сотни научных публикаций. При этом его научное наследие остается практически неизученным в современном исследовательском поле. Главное внимание в докладе будет сфокусировано на анализе фотографического наследия исследователя, структурированного по основным направлениям его работ – вулканология, этнография и краеведение.

Фотографией П.Т. Новограбленов увлекся еще в период обучения в Томском учительском институте в середине 1910-х гг. После возвращения на Камчатку в 1918 г. фотокамера стала неизменным атрибутом его исследовательских экспедиций, а фотографирование – способом проиллюстрировать то, что сложно было передать только лишь словом – природные панорамы и портреты жителей, эти территории населяющих.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В частности, сохранились многочисленные фотографии, описывающие восхождения П.Т. Новограбленного на вулканы. Его ключевой исследовательской позицией в вулканологии являлось включение вулканов Камчатки в мировую вулканическую систему – Тихоокеанское вулканическое кольцо – опоясывающее собой Великий океан, и насчитывающее в своем составе порядка 250 действующих вулканов. Однако не только любознательность, но и желание проверить камчадалские верования наукой, заставило П.Т. Новограбленова впервые заглянуть в жерло вулкана. Не случайно он давал открытым им объектам локальные наименования, например, один из кратеров П.Т. Новограбленов назвал именем священного предка камчатских народностей – ворона Кутха. В определенной степени, это соотносилось с местной традицией почитания огнедышащих сопок как домов предков, описанной еще С.П. Крашенинниковым: «Камчадалы почитают огненную гору за жилище умерших и сказывают, что тогда она горит, когда покойные юрты свои топят». И пусть нет в соответствующих фотографиях П.Т. Новограбленова художественной изысканности в передаче камчатских красот, они демонстрируют иной ракурс, представляющий исследовательский интерес – естественное видение камчадалом своей родной экосистемы.

В экспедициях по Камчатке П.Т. Новограбленов регулярно проводил этнографические исследования, делал соответствующие зарисовки и фотографии. В частности, среди фотографий, сделанных им в камчадалских селениях немало фотоизображений на медвежью тематику: сцены охоты, кадры добытчиков с трофеями, изображения заготовки и обработки шкур и мяса медведя. Обилие медведей, особые взаимоотношения человека и медведя на Камчатке, бросались в глаза приезжим – путешественникам, переселенцам, исследователям (В.Л. Комаров, К. Дитмар и др.). В исследовательских же работах П.Т. Новограбленова – налицо отношение к медведю с позиции местного охотника и хозяйственника. Так, например, вспоминая нечаянную встречу с медвежьей семьей в одной из поездок, он называл ее на характерном камчадалском сленге – матуха. К категории фотографий, отражающих быт населения, относится и сохранившаяся серия снимков, озаглавленная П.Т. Новограбленовым «Камчатская летняя страда» – порядка двух десятков фото рыбаков на путине, отображающих картины столь характерного для полуострова промысла. П.Т. Новограбленов и его информаторы говорили и мыслили на одном языке, и в какой-то степени проводимые исследования были для П.Т. Новограбленова родом автоэтнографии. Соответствующая же «интонация», которую можно назвать взглядом изнутри, – прослеживается и на этнографических фото исследователя-камчадала.

Со временем на фотографиях П.Т. Новограбленова все чаще начинали проявляться образы советизации Камчатки (окончательно новая власть установилась на полуострове в 1923 г.). В ходе выполнения экспедиционных заданий по линии Акционерного Камчатского Общества, коллекция фотографий и рисунков П.Т. Новограбленова постепенно пополнялась образами на тему колонизации

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

края. А в 1928 году было даже подготовлено специальное издание «Камчатка в иллюстрациях» – фотоальбом, характеризующий быт, природные и человеческие ресурсы советизирующегося полуострова.

П.Т. Новограбленов высоко оценивал и потенциал кинематографа. По просьбе В.К. Арсеньева, он выступил консультантом экспедиции «Совкино» под руководством А.А. Литвинова – первопроходца направления этнографического кино. В задачи Камчатской киноэкспедиции 1929 – 1930 гг. входило создание четырех документальных фильмов: двух обзорных киноработ о полуострове – «Неведомая земля» и «Таинственный полуостров», и двух этнографических – «Тумгу» (о коряках) и «Олений всадник» (об эвенах). П.Т. Новограбленов оказывал содействие как в создании сценарных эскизов, так и в организации полугодового похода. А на одном из этапов пути, в районе Ключевской сопки, он принимал и непосредственное личное участие в работе киногруппы.

П.Т. Новограбленов стремился популяризировать сведения о Камчатке различными способами – как педагог, ученый, организатор – весомое внимание уделяя прогрессивным визуальным форматам... На 1932 году записи в его дневниках обрываются, а в фотографиях замирают последние образы Камчатки советской, выполненные исследователем...

Несмотря на арест и последовавшую казнь П.Т. Новограбленова, наследие исследователя выжило в горниле репрессий – рассредоточенное по различным инстанциям и фрагментированное временем, оно безусловно нуждается в новом исследовательском внимании. И особое значение в этом ряду принадлежит многочисленным фотографическим материалам. С одной стороны, они служат вкладом в науку, являясь одними из первых визуальных документов по вулканологии и этнографии края. С другой – содержат информацию об исторической эволюции и советизации края. Исходя из анализа данных визуальных архивов, удастся рассмотреть и особый творческий почерк П.Т. Новограбленова. В сравнении с С.П. Крашенинниковым, Г.В. Стеллером, Комаровым, К. Дитмаром и другими исследователями, приезжавшими на Камчатку в экспедиции, П.Т. Новограбленов обладал уникальным качеством – «внутренним» взглядом на предмет. Не случайно, и одной из ключевых характеристик в визуальных работах П.Т. Новограбленова является отсутствие метрического ракурса, проявляющего подход приезжего антрополога к человеку из местной среды сугубо как к предмету научного анализа. В частности, в отличие от распространенной в современной ему антропологии методики съемки портретов представителей этнических сообществ на фоне искусственного нейтрального «задника», в фас и профиль, в одежде и без таковой (так снимали В.Г. Богораз и В.И. Йохельсон, С.М. Широкогоров и Б.О. Пилсудский), П.Т. Новограбленов снимал своих соплеменников только в естественной среде за ежедневными занятиями – на его фотографиях словно поймана «жизнь врасплох». П.Т. Новограбленов не выделял себя из Камчатского мира – его «фото-глаз» любовался общими планами вулканических сопки и внимательно рассматривал детали жизни растительности и животных, останавливал мгновения повседневной жизни этнических сообществ и удивлялся

метаморфозам Камчатки советской. Таким образом, именно качество взгляда изнутри на страну вулканов определяет особость визуально-антропологического наследия ученого камчадала П.Т. Новограбленова, обеспечивая значительную исследовательскую ценность данных фотодокументов как информативного пласта источников для изучения истории дальневосточного фронта.

2. Марк Содерстром

«В стране, зарождающейся из многочисленных зародышей»: Регион и империя в «Историческом обозрении Сибири» П. А. Словцова»

“Is it not joyous to contemplate the building of an interconnected life—a life unprecedented—in a country born of manifold embryos?” So asked Peter Andreevich Slovtsov (1767-1843) in his two-volume *Historical Survey of Siberia* (1838-1842). Considered the first comprehensive history to be written by a Sibiriac, the book would earn Slovtsov a place of honor in the genealogy of Siberian regionalism. Grigorii Potanin called it a “patriotic feat”—and Slovtsov “the first Siberian patriot.” In Slovtsov’s day, Potanin wrote, “there were still no academic institutions, no geographic societies, no university. In Slovtsov alone was concentrated the entire intellectual life of Siberia, the entirety of her learning; he combined in himself an entire geographic society, an entire historical institute.” This regionalist enthusiasm, echoed by those who have studied Slovtsov since Potanin, reflects a certain truth; it also tends to miss the extent to which Slovtsov was a man of his time—a man of the empire. This paper will spotlight the ways in which Slovtsov’s Siberia was simultaneously a place of regions and also a space made whole through what he called Russia’s “*velikoe delo*.” This was the “great cause” of imperial enlightenment that utterly redirected Slovtsov’s own life trajectory and, as he saw it, made “interconnected life” of “manifold embryos,” producing a new place, Russian Siberia, where once was only the space of northern Asia.

Fundamental to Slovtsov’s conception of Siberia was the close link he drew between its history and his own life story. A priest’s son, he was born in 1767 in the Urals village of Susansk. He spent the 1780s studying at Tobol’sk Seminary and, as one of the top students in his class, was selected to continue his studies at the newly founded Main Seminary at the Aleksandr Nevskii Seminary in Petersburg. There he became close friends with his fellow seminarians, among them Mikhail Speranskii, and followed news of the French Revolution. Inspired by the latter, he delivered a radical sermon when he returned to Tobol’sk in 1793, calling monarchies without

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

equality before the law “great tombs, which lock within themselves wretched and moaning corpses”—and doing so just months after the execution of Louis XVI in Paris. That got him exiled from Siberia, to Valaam Monastery, where after a year of labor among the archipelago’s monks he was brought back to Petersburg to teach at the seminary. He then entered the civil service alongside Speranskii, serving in a variety of capacities before ascending the ranks in the Ministry of Commerce. His time in Petersburg was cut short in 1808, when he was implicated in an embezzlement scandal and, as punishment, appointed to serve the Governor-General of Siberia. In Siberia he served as Director of Irkutsk Schools (1815-20), before becoming Vizitator (Inspector) of All Siberian Schools (1820-28), spending years traveling from school to school along the roads and rivers between Kazan’ and Yakutsk. Emperor Nicholas I granted Slotvsov permission to leave Siberia when he retired in 1828, but he chose to remain in Tobol’sk, where he spent his last fifteen years writing a series of introspective historical books: Letters from Siberia (1828), Two African Scipios (1830), Strolls Around Tobol’sk (1834), and Historical Survey of Siberia (1838-43).

My presentation will elaborate on Slotvsov’s conception of Siberia’s place within the Russian Empire. It will pay particular attention to the themes of his Historical Survey of Siberia, focusing on

- His view of Russian history as a story of the velikoe delo of enlightenment, of the bringing of law, order, Orthodoxy, and education to “dark” (temnye) lands and peoples
- His own personal connection to this story of imperial enlightenment, both as an object of state projects to “enlighten” the peoples of the Siberian frontier, as well as his role as an agent of these projects. He was acutely aware the remarkable difference between his own life trajectory and those of his family of village priests, a consideration that was constantly on his mind—and that fundamentally colored his writings on Siberian themes.
- His emphasis on the role of ustiuzhane (Russians from the Ustiug region) in the making of Russian Siberia
- His ideas regarding the native peoples of Siberia
- His emphasis on the Urals and Tobol’sk in his history of Siberia, as well as his decision to retire in Tobol’sk, despite his ability—and regular invitations—to move to St. Petersburg.
- His distinction between “Old Siberia” and Irkutsk Province

• His conception of Siberian history as an “appendix” (dobavka) to the larger story of Russian history, as well as his conviction that Siberia would eventually be “equalized” with Russia, thus eliminating any reason to treat Siberian history separately from that of Russia

3. Мира Борисовна Бергельсон, Андрей Александрович Кибрик, Марина Константиновна Раскладкина

«Старожилы Сибири и Аляски: язык в контексте истории»

0. В докладе представлены результаты нашего пилотного полевого исследования этнокультурной истории старожилов северо-востока Сибири и их роли в реализации российской экспансии на восток (включая Аляску) в 18-19 веках. С одной стороны, мы рассматриваем региональные особенности русского языка старожилов как свидетельство культурно-исторических процессов, в которые были включены две группы русскоязычного населения северо-восточной Сибири. С другой стороны, мы используем эти языковые данные, сопоставляя их с нашими материалами по русскому языку на Аляске, для уточнения истории и процессов формирования русского культурного и лингвистического наследия этого региона.

1. Аляскинский русский сформировался между второй половиной 18-го – началом 19-го века на Аляске и в остаточном виде существует еще как родной язык самого старшего поколения жителей дер. Нинильчик на п-ове Кенай, Аляска. За исключением нескольких этнически русских мужчин, население Нинильчика с самого начала составляли креолы – официальное сословие людей смешанного происхождения, включенного в социально-экономическую жизнь Российско-Американской Компании. С точки зрения генетики в большинстве своем креольское население Нинильчика происходило от эскимосского народа альтиик. С другой стороны, окружающие их земли (Кенайский полуостров и в целом территория вокруг залива Кука) были населены представителями атабаскского народа денаина. В течение многих лет нинильчикский русский существовал изолированно, и на протяжении более ста лет имел очень мало контактов с другими формами русского языка. Мы исследуем нинильчикский русский как современную исчезающую инкарнацию русского языка Аляски. В нашей работе по описанию аляскинского русского мы исходим из такого способа изучения разнообразия форм одного языка, при котором жёсткие границы между региональными, социальными и контактными формами признаются необязательными.

Многие черты нинильчикского русского являются результатом контактов с местными автохтонными языками, в том числе проявлявшимся как билингвизм местного населения в период существования Русской Америки, а также и в последовавшие за этим несколько десятилетий. В этой

связи встает вопрос и о связях аляскинского русского с теми формами русского языка, которые бытовали в Сибири, в особенности в северо-восточной Сибири.

1.1. Документация этого во многом уникального исчезающего варианта русского языка, первые попытки которой были предприняты в 1985 году (Daly 1986), проводится нами с 1997 года (Кибрик 1998, Bergelson, Kibrik 2010, 2013, 2017, Бергельсон, Кибрик, Раскладкина 2012, Bergelson, Kibrik, Leman, Raskladkina 2017). На данный момент обнаружить живое присутствие русского языка в других ареалах его еще не столь давнего обитания – пос. Нанвалек (бывшее название – Английская бухта), острова Прибылова и др. – не удастся. Однако по результатам последней экспедиции авторов на Аляску летом 2019 года нам удалось зафиксировать остатки аляскинского русского на о. Кодьяк (несколько носителей в г. Кодьяк, владеющих отличным от нинильчикского вариантом аляскинского русского), а также обнаружить недавние следы присутствия русского языка на Прибыловских островах и в средне-верхнем течении Кукоквима.

При этом один из главных магистральных вопросов описания нинильчикского варианта русского языка заключается в том, является ли он последним из «осколков» той языковой системы, которая служила *lingua franca* для Русской Америки? Был ли этот язык (диалектный континуум) общим для всех креолов Аляски, языком, фактически определившим само существование этой социокультурной группы?

Вторым важнейшим вопросом является то, в какой степени этот идиом может быть описан как диалект русского языка, учитывая разнообразие собственно диалектной базы, на основе которой он был сформирован. Это разнообразие и несводимость ни к одному из известных «традиционных» русских диалектов проявляется как на фонетическом, так и на лексическом уровне. В области сегментной фонетики имеет место собственная система фонема и правил палатализации согласных и редукции гласных, несводимая ни к одному из известных диалектов, ни – тем более – к стандартному варианту русского литературного языка. То же самое верно и для словарной системы, в которой наблюдаются как семантическое, так и морфологическое своеобразие лексики. Отдельные элементы как фонетической, так и лексической систем языка могут походить на конкретные диалекты и даже, возможно, происходить оттуда, но систематические связи такого рода в целом не могут быть установлены. Смешанной является и социолектная база данного идиома. В составленном нами словаре зафиксированы диалектные следы из разных ареалов распространения русского языка: северные *klun* ('клюв'), *nazhn'ik* ('ножны'), сибирское *shíksha* ('шикша, вороника'), северные и сибирские - *láyda* ('морская коса, берег') и *mastalíga* ('берцовая кость', 'бедро'). См. также словоформу *zabúl* (забыть.m3sgPast), что указывает на западные диалекты.

2. Тем самым ответы на эти, на первый взгляд, сугубо лингвистические вопросы тесно увязаны с историческими процессами освоения Русской Америки выходцами с континента, тем, кто они были и

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

из каких регионов Российской империи попадали на Аляску. Центральным для нас является вопрос о том, как в этих процессах участвовали выходцы из восточной и северо-восточной Сибири. Именно поэтому летом 2019 года нами было предпринято пилотное исследование речи представителей двух групп русских старожилов, традиционно проживающих на территории Якутии: заполярной субэтнической группы русскоустыинцев (индигирщиков) и так называемых «ямщицких старожилов (якутяне, сахаляры), проживающих в районе г. Покровск (административный центр Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия).

Сравнение языковых данных по трём группам (русскоустыинский русский, язык ямщицких старожилов, аляскинский русский) показывает лишь частичное сходство, естественно объясняемое общим русским корнем при совершенно разных путях формирования идиома.

Однако исторические данные говорят о том, что именно крестьяне-ямщики, изначально выходцы из Тобольска и других сибирских регионов, оставили свой след в истории Русской Америки. В 1895 году Покровск стал волостным центром приленских крестьян-ямщиков, объединяющим 20 станций. Но и до этого из ямщицких станций приленского, а позже и якутско-охотского, тракта выходили многие будущие работники РАК, положившие начало креольским династиям, носителям русского языка и русской культуры на Аляске.

Такие тобольчане-ямщики, как Егор Нецветов (отец будущего священника-просветителя, автора алеутско-русского словаря Якова Нецветова), Федор Колмаков (в честь которого был назван русский редут-поселение на Кускоквиме), Михаил Панфилов (тесть основателя другой важной креольской династии Комковых) и другие русские старожилы внесли свой вклад в формирование уникального русского культурного наследия Аляски.

И если нинильчикский русский и несет на себе следы контакта с автохтонными языками Аляски (возможно, алеутскими, без сомнения, языком кадьякских эскимосов (алютик) и атабаскским языком денаина), что отражает исторические условия возникновения этого идиома, то все равно, в его лице мы, безусловно, имеем дело не с контактным языком (пиджином или креольским), а с собственно русским идиомом, образовавшимся в результате контакта с местными языками, прошедшим периоды креолизации и де-креолизации и имевшим период независимого развития. Важно и то, что этот идиом существовал в исключительно устной форме, не испытывая даже косвенного влияния со стороны письменного русского языка.

По всей видимости, русский язык поселенцев Аляски, сохранившийся до наших времен в памяти и речи последнего поколения его носителей, должен быть отнесен к группе так называемых «колониальных» языков первой волны, которые в результате исторических и геополитических событий были впоследствии вытеснены языком более успешных колонизаций. Но важно помнить,

что эта волна была естественным продолжением движения на восток, доминировавшего в российской региональной истории, начиная с 16-го века.

4. Наталья Геннадьевна Суворова

«Сибирь и Поморье как колонизируемые окраины в дискурсе позднеимперских и раннесоветских экспертов»

Факт заселения и освоения Сибири поморскими крестьянами был признан задолго до появления понятия «колонизация» в русском научном дискурсе (Г.Ф. Миллер, П.А. Словцов). Введенное в научный оборот С.М. Соловьевым оно надолго стало ключевым при ретроспективных реконструкциях окраинных процессов российского пространства: новгородцы колонизовали поморье, поморы колонизовали Сибирь. «Генетическая» связь сибиряков и поморов через миграционные потоки, сходство социальных, институциональных и природно-климатических условий сохранялась до XVIII в. После граничащие территории по Уралу оказываются в разных административно-территориальных единицах (Сибирская и Архангелогородская губернии), а впоследствии и в разных цивилизационных пространствах, на разных ступенях в иерархии уже освоенного и еще осваиваемого места. За В.Н. Татищевым признается первенство в определении границы между Европой и Азией по Уралу и перспективного определения «Большого Поморья», которое закрепилось как удобный конструкт в исторических сочинениях М.М. Богословского и С.Ф. Платонова. Отмечая подвижность границ и содержания «Поморья», стоит зафиксировать аналогичную картину и в отношении понятия «Сибирь». Укажем на незавершенность колониационного дискурса в отношении Сибири и Поморья в современном общественно-политическом, научном пространстве, а также определенных элементах / чертах сходства (проект «Большое Поморье», неоглавноничество, конструирование территориальных, этнических, культурно-исторических общностей – сибиряк, помор, «асфальтовые поморы» и пр.).

Предметом исследования стали репрезентации экспертным сообществом территорий как колонизируемых окраин. Колониационный дискурс позволяет экспертам «угадывать» («предчувствовать») формирующийся регион, учитывая его историческую ретроспективу («конструируя прошлое», присваивая территории необходимый исторический, культурный, экономический «бэкграунд») и перспективу (через набор определенных (институциональных, социальных, экономических) инструментов освоения территории; представлений о населении).

Объединив в хронологических рамках исследования позднеимперский и раннесоветский периоды, мы получаем возможность

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

- 1) проследить формирование экспертного сообщества в условиях массового переселенческого движения, активизации общественной деятельности (краеведческие организации, научные общества);
- 2) увидеть источники его формирования, принципы, ценности;
- 3) охарактеризовать его трансформацию, преемственность, факторы, на него воздействующие в эпоху социальных катаклизмов и установления советской власти.

Избранные регионы усложняют исследовательскую ситуацию, различиями в административно-правовом статусе (европейская и азиатские окраины). С другой стороны, эти обстоятельства и позволят ответить на вопрос о наличии, действенности экспертного сообщества и специфики его территориальной институализации.

Обращая внимание не столько на конечный продукт деятельности экспертного сообщества (нормативные документы, практики), но на авторов идей, их групповые характеристики, корпоративные ценности и отдельные карьерные стратегии попытаемся обозначить проблему персонализации колонизационной идеи позднеимперского и раннесоветского времени и скорректировать мотивационный и содержательный контексты колонизационного дискурса.

Начиная с подготовки и проведения Крестьянской реформы, проблемы малоземелья в центре России втягивают и окраинные регионы в разработку новых сценариев развития (60-е проекты привлечения переселенцев на Мурман, переселение крестьян в Приамурье; проектирование Транссиба и железной дороги Пермь – Котлас, в рамках концепции железнодорожного империализма; голод начала 90-х и трагедия 1894 в Поморье). Природные и, в частности, земельные ресурсы, упадок промыслов, слабая заселенность, обеднение населения становились отправной точкой обсуждения местными администрациями перспектив развития / «оживления» территории. В конце века Переселенческое управление начинает рассматривать в качестве регионов-реципиентов не только азиатские окраины, но и Европейский Север, причем, уже не ограничивая колонизацию, исключительно земледельческим освоением и крестьянским переселением (окраинный отдел русского павильона на Всемирной выставке в Париже включал не только Азиатскую Россию, но и полярные и субполярные части Европейской России, Архангельскую губернию). Новое видение «окраинности» и «европейскости».

Обсуждение перспектив заселения и освоения территории создает специфическую среду колонизационных экспертов, включающую в себя чиновников центральных и местных структур, ученых, местную общественность, объединенную в краеведческие организации, научные сообщества (ИРГО, МОСХ, ВЭО, Комитет помощи поморам Русского Севера, Архангельский губернский статистический комитет, Экспедиция по исследованию степных территорий Щербины). Эксперты собирали сведения о колонизируемых территориях, создавали новые классификации населения, сценарии и механизмы хозяйственной, социокультурной интеграции и обрусения окраинных

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

регионов. Научные экспедиции, специальные исследовательские программы, издания, составленные по инициативе или под контролем центральной или местной администрации, должны были выяснить экономический потенциал региона, меры по его обороне, наметить направления хозяйственного освоения, перспективы сельскохозяйственной и промышленной колонизации, выстроить стратегию управленческого поведения в отношении коренных / туземных народов с учетом их социокультурной специфики.

Одним из факторов, способствовавших формированию колонизационных экспертов, как особой группы, стали преобразования в сфере образования, в частности открытие низших, средних сельскохозяйственных учебных заведений (земледельческие, землемерные, садоводческие, сельскохозяйственно-технические) и укрепление высшего специального образования (подготовка агрономов, ветеринаров, межевщиков, топографов, лесников). Специальное агрономическое, лесное и др. образование, как правило, являлось начальной ступенью для дальнейшего российского или заграничного обучения и формирования аграрного специалиста. Образование (уровень и качество), стиль поведения, этические и частично общественно-политические ценности объединяли людей различных статусов в рамках общего дела «оживления окраин».

Местным администраторам (Н.Г. Казнаков, А.П. Энгельгардт, И.В. Сосновский) удавалось задействовать значительное число научных экспертов, в том числе и за счет привлечения политических ссыльных и «неблагонадежных» лиц, которые обеспечивали трансляцию не только профессиональных знаний, но и нового языка описания социальных и национальных процессов, стремились внедрить в правительственные документы элементы либеральных, демократических, и даже социалистических программ (окраины как территории ссылки; областники на Севере и, особенно, по возвращению; политические ссыльные на Севере и в Сибири: Н.Я. Новомбергский, Н.П. Огановский, К. Кочаровский, Л.К. Чермак, О. А. Шкапский, Н.М. Зобнин). Экспертное сообщество поддерживалось благодаря мобильности чиновников (ЧОП; карьерные биографии Г.Ф. Чиркина, Н.К. Шумана, Н.А. Сборовского), «невольными миграциями» политических ссыльных, а также достаточно стабильными коммуникациями (переписка, обмен книгами, материалами обследований и проектами).

Совместно действуя в научных и просветительских обществах, а также в инициированных правительством экспедициях по изучению географических, хозяйственных и демографических условий колонизации, эксперты формировали новую общественную среду со своим этосом, что могло отдалить их от местного полицейско-административного аппарата, помочь интегрироваться, хотя бы некоторым, в общий поток интеллигенции. Новые стандарты поведения, с одной стороны, задавались высшими управленцами аграрного ведомства (ГУЗиЗ, МЗ, ПУ), а с другой — закреплялись демократическими слоями местных учреждений и научных, краеведческих обществ. Демократический состав и народнические настроения местных организаций, дополненные «наивным

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

романтизмом старорежимных чиновников», создавали не только профессиональную, но и высокоморальную среду, в которой культивировались такие ценности как любовь к народу, родине, порученному делу, «абсолютная деловая честность» и «чрезмерная» нравственная щепетильность. Возможно, чрезмерная степень идеализации и высокий стиль не были в равной степени близки всем участникам экспертного сообщества, но даже сугубые «технари» и «аграрии» воспринимали эту сферу деятельности, как героическую, творческую и идейную, требующую профессионализма, полной самоотдачи и альтруизма.

В итоге, колонизационные проекты позднеимперских экспертов были не вполне имперскими (программа «оживления» окраин как модернизационный проект; не сословной, не национальной, но социальной и культурной адаптации населения). Национально-конфессиональный дискурс становится вторым планом социальному, народническому образу российского переселенца, колонизатора. Проблемы осибирячивания, отунгусивания, обьякучивания, офинивания, олютеранивания.

В условиях революции и Гражданской войны колонизационные эксперты под давлением властей или по собственному выбору продолжили свое участие в колонизационных мероприятиях. Помимо кадровой преемственности, на протяжении всего периода сохраняется определенное интеллектуальное пространство для обмена идеями (журналы, издания Госколонита), проектами, материалами (личная и деловая переписка, ведомственная периодика).

Принципиально новыми факторами, призванными повлиять на воспроизводство колонизационных знаний и практик, станут образовательные проекты второй половины 20-х гг. Подготовка «ответственных специалистов колонизации» рассматривалась как задача для России «совершенно необходимая и совершенно новая». Преподавание колониальных наук за границей не рассматривалось отечественными учеными, преподавателями и практиками как образец, в силу чуждого империалистического характера проводимой политики капиталистическими государствами. Номинация «колонизационный эксперт» или «колонизатор широкого профиля» будет сформулирована в учебных программах сельскохозяйственных вузов во второй половине 20-х гг. и уже к началу 30-х гг. последует ее «осуждение» на государственном уровне и «вытеснение» из научного и общественного дискурса.

В 20-е гг. у советских колонизационных работников сохраняется особое отношение к переселенческой службе, как «живой работе». Выстраивая ценностную иерархию видов деятельности, эксперты отмечали предпочтительность непосредственной работы с населением «узко канцелярской работе»; не принципиальность «материальных соображений». Претендентов на переселенческие должности интересует работа, где можно максимально проявить «инициативу и энергию». Идеальные качества советского переселенческого служащего вполне соответствовали и характеристикам «старорежимных колонизаторов», включая антибюрократические и неканцелярские черты.

В переселенческом дискурсе 20-х гг. понятие «колонизация» сохраняется для обозначения процесса «оседания людей на земле с целью использования ее производительных сил». Термин имеет нейтральный характер, противопоставление заселяемой территории «странам более старой культуры» ведется по принципу недонаселенности, наличия свободных земель, недостаточно развитых и использованных производительных сил. Термин распространяется на институты, самих экспертов (колонизатор, колониционный чиновник) и науку, изучающую закономерности, лежащие в основе колониционных процессов, государственных мероприятий («искусство колонизации»).

Социалистические аспекты колонизации будут проявляться в изменении стратегических целей колонизации, использовании классового критерия при подборе колонизатора. Заселение советских окраин, их развитие обусловлено не потребностями (оживлением) региона, а необходимостью «усиления сырьевого снабжения центра», его «прокормления». «Гармонизация отношений центра и окраин» предполагала, что окраины ради индустриализации метрополии, временно возьмут на себя колониальные функции.

Трансформация экспертного сообщества после революции и Гражданской войны будет определяться в большей степени внешними факторами (идеология (классовые концепции), мобилизационный характер колониционных мероприятий; чистки управленческих кадров, большевизация высшей школы, репрессии против краеведческих обществ и др.). Попытка профессионализации и создания теоретического обоснования колониционной стратегии развития окраинных территорий не была завершена.

23 октября

Секция 7: Региональное управление: закон и справедливость

1. Иван Александрович Попп

Волостная юстиция как институт для сохранения правового, этнического и социального разнообразия Российской империи

С отменой крепостного права в России вводился волостной суд, формировавшийся из представителей крестьянского сословия и разбиравший в рамках обычно-правовых норм крестьянские споры по мелким уголовным (до 30 рублей) и гражданским делам (до 100 рублей). Практика волостной юстиции сразу вызвала общественный резонанс. Одни современники (затем и исследователи) яро

критиковали новое судебное учреждение из-за «неписанного» права, отмечая, что обычно-правовые нормы не внушали доверия при решении мелких уголовных и гражданских дел, вели к широчайшему разнообразию в судебных решениях безграмотных судей. Представители этого направления считали крестьян неспособными к самоуправлению и выступали за тотальный контроль сельских обывателей со стороны государства и «образованной» части общества.

Апологеты волостной юстиции обращали внимание на нормы обычного права, на основе которых действовало волостное судопроизводство, справедливо указывая на необходимость их применения в разных жизненных ситуациях. Основными аргументами защитников волостной юстиции являлись доступность, выборность и дешевизна крестьянского суда, возможность в крестьянской общине нивелировать незначительные проблемные вопросы. В этой связи, исследователь российской правовой системы Дж. Бёрбэнк обратила внимание на то, что важным фактором роста российского имперского государства стало масштабное рассредоточение скромных ресурсов на большой территории. Естественно, управление таким огромным государством не могло основываться лишь на военной силе, особенно необходимой на начальном этапе присоединения новых территорий. Для поддержания контроля и порядка в стране выстраивалась особая структура, основанная на множественных стандартах, позволявших инкорпорировать народные обычаи в общероссийскую правовую систему. Эти меры позволяли эффективно утвердить верховенство российской власти, а в то же время давали населению великорусских губерний довольно широкие полномочия для самостоятельного управления на местах. Следовательно, российским политическим элитам приходилось мириться с автономизацией региональных правовых систем в связи с отсутствием у власти необходимых ресурсов (административных, демографических, финансовых и др.) для осуществления тотальной координации жизнедеятельности областей российской периферии.

Ярким примером для понимания проблем, связанных с государственным управлением в Российской империи второй половины XIX века, служит система волостной юстиции. Автор придерживается мнения, что российское самодержавие вынуждено запустило систему выборных сословных волостных судов, разбиравших мелкие гражданские дела и уголовные проступки между крестьянами на основе обычного права, из-за отсутствия соответствующих ресурсов для контроля за 95% российского населения. Поэтому же сохранялась и крестьянская община с огромными полномочиями для самостоятельного управления, но признававшая верховенство российской власти, платившая налоги и подати.

На основе изучения неопубликованных архивных источников автор описывает деятельность волостных судов в отдаленной от центра Пермской губернии и приходит к следующим основным выводам:

1. Отсутствие административных, кадровых и финансовых ресурсов не позволяло инкорпорировать волостную юстицию в гармоничную систему местных судов. Многократно рассматривались вопросы об апелляции и кассации решений волостных судей в мировых судах, но это потребовало бы значительного увеличения штата образованных мировых судей, их содержания, больших усилий по систематизации и упорядочиванию наказаний по мелким крестьянским проступкам. Поэтому работа на общественных началах безграмотных волостных судей в рамках обычного права рассматривалась в тот момент вынужденной, но приоритетной.

2. Большинство решений пермских волостных судов, основанных на нормах обычного права, не соответствовали требованиям судебных уставов 1864 г. Наблюдались определенные противоречия между центральным законодательством и обычно-правовыми нормами уральской периферии. Так, мировые судьи по судебным уставам 1864 г. осуждали представителей других сословий за мелкие кражи тюремным заключением на срок до одного года, но волостные суды в отношении мелкого воровства применяли достаточно мягкие решения. Некоторые подозреваемые вообще оставались безнаказанными, но, в большинстве случаев, кражи в крестьянской среде карались арестом до семи дней при волостном правлении, незначительными общественными работами и/или мелким штрафом, причем общепризнанной нормой стало погашение затрат на вызов свидетелей по делу за счет ответчика. Одновременно в гражданском судопроизводстве розги использовались в качестве наказания, например, за нарушение трудового договора.

3. Готовность крестьянского населения рассматривать судебные дела по нормам общероссийского позитивного права и активно использовать систему кассационных обжалований в отношении приговоров неграмотных волостных судей. Анализ крестьянских кассационных жалоб в уездных по крестьянским делам присутствиях позволяет сделать вывод, что некоторые ответчики специально указывали на увеличивавшие вину обстоятельства совершенных ими преступлений (кража ночью или со взломом жилого помещения), пытаясь добиться отмены решений волостных судов и передать дела в мировой суд, который осуждал за подобные преступления на срок до одного года. Причинами подобных жалоб были либо стремление крестьян добиться справедливости любой ценой, либо недоверие некоторых крестьян к волостной юстиции, либо желание затянуть решение дел с помощью мирового судопроизводства, в котором действовала понятная процедура апелляции и кассации решений, основанных на фиксированной нормативно-правовой базе.

4. Отсутствие возможностей у региональных и столичных властей систематизировать подходы в применении обычно-правовых норм в судопроизводстве местных волостных судов. О необходимости разработки общего сельского устава отмечалось еще в 102 ст. Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Требование о составлении «нового устава для

уничтожения различий в мере наказаний, так и для более правильного определения подсудности» афишировалось в периодической печати. Однако кодификация в этой сфере так и не была произведена.

5. «Наилучшим» образом волостные суды действовали в волостях с башкирским населением, которое, видимо, вообще не было готово к восприятию общероссийского законодательства. Так, в 1868 г. пермский губернатор Б.В. Струве сообщал о ходе крестьянского дела: «Из всех местных учреждений башкиры всего лучше восприняли волостной суд. Судьи выбираются из самых лучших по поведению и способностям домохозяев и действуют довольно независимо от постороннего влияния».

6. Слабость административного надзора за всей системой крестьянского самоуправления 1860 – 1890-х гг. показана в «борьбе» с пьянством среди волостных старшин, сельских старост, волостных судей и др. Уездные по крестьянским делам присутствия по рапортам из волости могли на первый раз привлечь «волостных начальников» к административной ответственности в виде ареста на несколько дней при волостном правлении, но когда алкоголик попадался во второй раз, то обычно его просто отстраняли от должности. В последней трети XIX века каким-то образом различали степени опьянения «по отзывам свидетелей». При этом крестьянских должностных лиц, которые были слабо пьяными «навеселе», вовсе могли освободить от ответственности.

Таким образом, сословная структура общества, развитие выборной системы крестьянского самоуправления, деятельность крестьянского волостного суда, сохранение крестьянской общины, параллельное существование обычного и позитивного права, архаичная система обжалования приговоров по крестьянским делам, отсутствие тесной связи между волостной и мировой юстициями – все это способствовало сохранению этнического и социального разнообразия и лоскутизации России на уровне правовой системы.

2. Евгений Адольфович Крестьянников

Пространства vs империя: география и пути судебной власти Сибири в позднеимперский период

В 1897 г. на Сибирь распространялось действие Судебных уставов Александра II. Их положения требовали специального приспособления к географии края, составлявшего более половины площади империи и имевшего самую низкую для страны плотность населения. Некоторые части региона на севере вообще не получили реформированного правосудия, а остальная территория стала площадкой для экспериментов Министерства юстиции над судеустройством и судопроизводством. Сохранить лучшие качества суда, при этом, сделать его близким к сибирякам, а деятельность – эффективной, прежде всего, попытались путем соединения в руках учреждений нескольких функций и чрезвычайным повышением подвижности судебных органов в пространстве за счет интенсификации

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

судейских командировок. Многофункциональность воплотилась в возложении на мировых судей обязанностей судебных следователей и нотариусов, окружные суды становились съездами мировых судей, судебные палаты (в 1899 г. к иркутской прибавилась палата в Омске) наделялись некоторыми полномочиями Сената.

Применявшиеся методы адаптации правосудия к географическим условиям края соответствовали общим началам имперской политики в отношении восточной окраины, в частности, позволяли существенно экономить государственные средства. Повышая планку выносливости судебной системы, разнообразив направления деятельности ее учреждений и сотрудников, правительство тем самым сделало юстицию в Сибири заметно дешевле, чем в других регионах страны. В практической плоскости экономия выразилась в установлении заведомо недостаточного штата судейского персонала.

Организация сибирского суда продемонстрировала совершенную несостоятельность апробированных подходов. Не удалось оптимально разграничить участки и округа малочисленных органов правосудия, соотнеся их с пространством, населенностью и количеством возникавших дел; места расположения судебных органов определялись интересами администрации и порой совсем не учитывали судейских потребностей; чиновникам приходилось преодолевать огромные расстояния. Большинство мировых судей разъезжало в пределах своих участков, проводя расследование преступлений и судебные заседания, окружные суды ездили в разные концы сибирских губерний и областей для проведения выездных сессий, судебным палатам также приходилось регулярно разъезжать по подведомственным округам.

В итоге сибирская судебная система оказалась слишком зависимой от географического ландшафта и того, что определяло проблемность и отсталость региона, уже само по себе усложняло судебную деятельность, и чего настоятельно требовалось избежать. Усиливалась подчиненность судебных учреждений изъянам административно-территориального деления и местного управленческого аппарата, условиям окружающей среды, благоустройству населенных пунктов, состоянию транспорта и путей сообщения. В организации выездов судьи вынуждались полагаться на администраторов разных уровней – от губернаторов до нижних полицейских чинов, в командировках им приходилось испытывать капризы природы и надеяться на безотказность средств передвижения, а также уповать на то, что люди, нужные для судебного разбирательства, на него придут.

Устройство и режим работы сибирской юстиции повышали требования к способностям чиновников. Например, мировым судьям надлежало проводить предварительные следствия и как нотариусам быть знатоками гражданского права, в то же время, скажем, случалось управлять собачьими упряжками, грести веслами на каюке и осуществлять лыжные переходы. При этом, в сибирских условиях всегда присутствовал риск невыполнения служебного долга, причиной чего

могли быть опоздание парохода, неожиданный отказ местных властей в предоставлении помещения для выездного заседания, половодье, разрушение мостов бурными потоками рек и многое другое.

Неминуемыми становились разного рода повреждения правосудия. В нарушение закона коллегии окружных судов на выездных заседаниях иногда пополнялись местными судебными чиновниками. Замечалось, что на выездах мировые судьи приступали в первую очередь к уголовным делам, в последнюю – исполняли обязанности нотариусов, а окружные суды на выездных сессиях не рассматривали апелляционные производства. Последствием постоянных командировок являлись деформации нравственных устоев чиновников. Так, в разъездах они проявляли большую склонность к служебным злоупотреблениям и нетрезвому образу жизни. Происходило неизбежное падение престижа судебной службы в Сибири, что усугубляло штатный дефицит, по уровню же волокиты сибирский суд всех инстанций занимал лидирующие позиции в России.

Частые поездки противоречили элементарному здравому смыслу и оказывались непродуктивными, ведь в дороге прекращались любые занятия по отправлению правосудия, которое в периоды передвижения отсутствовало и там, откуда выезжал суд, и там, куда он намеривался приехать. В громадном крае заставить судей много ездить означало сократить возможности юстиции, потерять впустую много рабочего времени и человеческих сил. Вместе с тем, вопреки ожиданиям чиновников Министерства юстиции, судебная мобильность мало удовлетворяла нужды населения. Куда, когда и на какой срок суду выехать зависело не от людских потребностей в правосудии, а от состава судебных учреждений, их графика работы, занятости, географии объезжаемой территории, судебной воли и многих других обстоятельств.

В результате, хотя карта Сибири была расчерчена многочисленными маршрутами, по которым передвигались чиновники месяцами ежегодно, преодолевая тысячи верст, это не сделало правосудие более доступным для сибиряков, которые часто просто-напросто не могли найти постоянно разъезжающих судей. Уважение к судебной власти в глазах населения неуклонно снижалось, что приводило к падению авторитета всей государственной системы царизма. Сибиряки некоторых районов с отсутствием юстиции связывали разгул преступности и замирание экономической жизни. Наиболее же опасным для государства становилось развитие самосудов, в приложении к революционным идеям и процессам подготовившей почву для мыслей о народном суде и революционном правосознании.

Сибирь своими географическими условиями подавала уникальные сигналы, для распознавания которых в случае с организацией имперской юстиции у правительства не хватило ни внимательности, ни расчетливости. Ставка делалась исключительно на пространственное приближение судов к подданным, но не на их доступность в смысле способности удовлетворения нужд населения в

правосудии. Поскольку у данного подхода имелось немало негативных последствий, в том числе недовольство судебных чиновников и сибиряков, он повышал степень уязвимости империи.

Секция 8: Образы и репрезентации (3)

1. Матханова Наталья Петровна, Родигина Наталия Николаевна

«Приамурье не Сибирь»? репрезентация отличий Сибири и Дальнего Востока в социальном воображении и отчетах генерал-губернаторов второй половины XIX века

В последние десятилетия осмысление Дальнего Востока как специфического региона Российской империи привлекает пристальное внимание историков. В фокусе исследовательских интересов – место региона в имперской географии власти (Дж. Стефан, 1994; А. С. Мамай, 1997; А. В. Ремнев, 2000, 2004, 2015; С. В. Глебов, 2017; В. Сандерленд, Д. Вольф, Й. Синдзи (ред.), 2018; и др.) и на ментальных картах образованных русских (М. Бассин, 1999; Д. Н. Замятин, 1999; А. В. Ремнев, 2004; С. В. Глебов, 2017; и др.), история колонизации дальневосточного края и биографическая связь с ним представителей бюрократической и интеллектуальной элиты, «научное завоевание» имперской окраины. Однако если географическое, природно-климатическое, социально-экономическое, социокультурное и ментальное своеобразие дальневосточных областей, а также репрезентация их отличий от Европейской России в разножанровых текстах второй половины XIX столетия уже неоднократно были предметом научной рефлексии, то сравнение Сибири и Дальнего Востока в социальном воображении генерал- губернаторов Азиатской России до настоящего времени, насколько нам известно, не являлось предметом специального анализа.

В своем докладе мы стремимся дать ответы на следующие вопросы: 1) когда и под влиянием каких обстоятельств представители высшей региональной администрации поставили вопрос о Дальнем Востоке как специфическом регионе, отличном от Восточной Сибири; 2) как именно эволюционировали образы дальневосточных территорий во всеподданнейших отчетах; 3) какую роль в репрезентации данных отличий играл личностный фактор.

В качестве основного источника мы привлекаем коллективный текст- источник – их всеподданнейшие отчеты (более подробно о специфике отчетов как источнике изучения образа региона – Н. П. Матханова, Н. Н. Родигина, 2019).

Доклад базируется на ежегодных всеподданнейших отчетах восточносибирских генерал-губернаторов Н. Н. Муравьева (1847–1861), М. С. Корсакова (1861–1871 гг.), Н. П. Синельникова (1871–1873), П. А. Фредерикса (1873–1879), Д. Г. Анучина (1879–1885), А. П. Игнатьева (1885–1887), а также генерал-губернаторов Приамурской области А. Н. Корфа (1884–1893), С. М.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Духовского (1894–1898), Н. И. Гродекова (1898–1900).

Как верно замечено А. В. Ремневым, выделение Дальнего Востока из Сибири, начавшееся на рубеже XVIII–XIX вв., испытало новый политический импульс в 1850-х гг. и завершилось в 1884 г. административным обособлением в Приамурское генерал-губернаторство (Ремнев 2004: 31–32). Однако очевидны и уже многократно отмечены исследователями подвижность административного деления Сибири, его несовпадение с географическими границами региона, сложная сопряженность административных, географических реалий с образами региона на ментальных картах. Привлеченные нами материалы наглядно демонстрируют правомерность системообразующих характеристик географических образов, выявленных отечественными социологами. Географические образы *инерционны*, они меняются гораздо медленнее, чем «объективный» мир, но зато они существуют дольше, чем реалии, на которых они основаны; они *многослойны*, поскольку формулируются разными акторами и обращены разным адресатам; они *противоречивы*, ибо в сознании человека, равно как и в коллективном сознании, причудливо уживаются прямо противоположные представления об одном и том же географическом объекте, актуализируемые в зависимости от обстоятельств (Мир глазами россиян... 2003: 30–38). Слова, вынесенные нами в начальную часть заглавия доклада, могут быть соотнесены с отчетами генерал-губернаторов и как утверждения, и со знаком вопроса в зависимости от их отношения к административному статусу Дальнего Востока.

Большинство восточносибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия дальневосточные владения Российской империи описывали как восточные окраины Сибири (к примеру, Н. Н. Муравьев в письме к Г. И. Невельскому их называл «восточные оконечности Восточной Сибири» (Цит. по: Алексеев 1974: С. 92), соответственно, признавая за последней статус внутренней периферии.

Н. Н. Муравьев-Амурский, горячо обосновывая в конце 1840–1850-х гг. необходимость оживления дальневосточной политики, делал акцент не только на ее геополитическом, военном значении для империи в целом, но и на экономическом значении выхода к Тихому океану для перспектив развития Восточной Сибири. «Амурская эпопея», мода на Амур у русской политической и интеллектуальной элит породила многочисленные номинации Приамурского края как «оплота Сибири и Русского царства на дальних пределах Востока», «несомненной надежды Сибири» и др. (Ремнев 2004: 146–147). Таким образом, дальневосточная территория в середине XIX в. позиционировалась как часть Сибири, но подчеркивалось ее огромное значение для страны в целом. В данном случае важны наблюдения С. В. Глебова о месте Амура в социальном воображении Муравьева и его сподвижников: «...присоединенные в конце 1850-х гг. земли стали своеобразным

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

полигоном, на котором испытывались бы новые формы социальной организации, управления, колонизации, градостроительства и так далее. Дальний Восток для них был своего рода русской Америкой, где не действовали бы старые ограничения дореформенной России. На этой территории не было укоренившегося дворянства и его землевладения, крестьянских общин с их запутанными отношениями с землевладельцами. И хотя на территории края, безусловно, уже было какое-то население, многие российские путешественники, бюрократы и военные использовали троп «пустоты» для описания этих земель. Именно здесь, на берегах Амура и Усури, можно было начать конструировать общество «с чистого листа», не заботясь о глубоко укорененных интересах разных групп населения» (Глебов 2017: 19).

В отчетах и записках Муравьева, подававшихся после 1858 г., говорится об Амуре не только как о реке, но и как о вновь присоединенной территории. У него же впервые появляется номинация «Приамурский край»: рапорт 1858 г. «Об устройстве Приамурского края», записка 1858 г. «О заселении Приамурского края», «Правила для переселения в Приамурский край» и т.д. По конкретным управленческим вопросам в делопроизводственной документации, оставленной Муравьевым, встречается выделение Приамурья в качестве особой территории, отличной от Восточной Сибири, по своим природно-климатическим, социально-экономическим, демографическим условиям. Можно привести в качестве примера записку 1858 г. «О разрешении поиска и добывания драгоценных и цветных камней в Восточной Сибири и Приамурском крае» (РГИА, ф. 1265. Оп. 7, 1858 г. Д. 270). В ней предполагалось разрешить свободный поиск в «Амурской стране». В 1859 г. Главное управление Восточной Сибири рассматривало вопрос о «Правилах для переселения из Восточной Сибири в Приамурский край» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 240. Л. 60). Речь шла об утверждении условий переселения как из внутренних губерний России, так и из Сибири (РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 240. Л. 159). О понимании специфики Приамурья наглядно свидетельствуют и планы Муравьева-Амурского о создании Амурской области в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, одобренные Сибирским комитетом 22 ноября 1858 г., а также его идеи о новом административно-территориальном делении Азиатской России, заключающиеся в создании на Дальнем Востоке новой административной группы, в которую бы вошли Приморская, Амурская и Забайкальская области, не поддержанные большинством министров на заседании Сибирского комитета 11 мая 1860 г. Тогда победила точка зрения, согласно которой единство управления Восточной Сибирью и Дальним Востоком продиктовано как продовольственной зависимостью Приморья от восточносибирских губерний, так и опасениями ослабления местной высшей власти в регионе путем ее раздробления (Ремнев 2004: 194–195).

Особый раздел «Устройство и торговля Приамурского края» впервые появился во

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

всеподданнейшем отчете Муравьева за 1856 г. по управлению Восточной Сибирью (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 284. Л. 78 об.–79 об.). Как видим, это произошло за два года до подписания Айгунского и за четыре –до заключения Пекинского русско-китайских договоров, закрепивших новую границу. Напомним, что этот государственный деятель в ходе «амурской эпопеи» решительно сначала заселил и отчасти присвоил территорию, и лишь потом занялся официальным оформлением уже достигнутого.

В отчетах М. С. Корсакова неизменно, начиная с отчета за 1860 г., когда он был помощником генерал-губернатора, представлен особый раздел

«Амурский край», хотя его территория (как и в отчетах Муравьева) включена в границы Восточной Сибири. Так, в отчете за 1860 г. встречаем:

«Географическое положение бывших границ Восточной Сибири» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202: 2 об.); «Новое положение Восточной Сибири вследствие

приобретения Амурского края» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202: 12 об.). Содержание названного раздела варьируется от особого, содержательно и тематически соответствующего основной части отчета, где говорится о Восточной Сибири в целом (отчеты за 1862 г., 1865 г.), до характеристики лишь специфических черт (освоение, заселение, пограничные вопросы, внешняя торговля, Сибирская флотилия), тогда как экономика, образование, административные дела и т. п., касающиеся дальневосточной территории, включены в основную часть отчета (за 1863 г.). Нам не удалось выявить закономерность в таком расположении. Отчеты Корсакова являются наглядным отражением его идеи создания нового генерал-губернаторства в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей с центром в Хабаровке для более эффективного управления дальневосточными территориями, сформулированной в его всеподданнейшей записке 19 декабря 1868 г. Однако во всеподданнейших отчетах Амурской край продолжает репрезентироваться как часть Восточной Сибири (что вполне соответствовало административным реалиям), но особая, занимающая окраинное положение, в отличие от других «внутренних» губерний и областей возглавляемого им региона. Примечательно в данном случае название документа: «Провоз товаров по Амурской и Забайкальской областям во внутренние губернии Восточной Сибири» (РГИА. Ф. 1281. Оп. 6, 1863 г. Д. 99. Л. 65). В отчете за 1863 г. появляется внутри раздела «Амурский край» подраздел «Уссурийский край» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6, 1864 г. Д. 119. Л. 85–

88) и таким образом подчеркивается субъектность и своеобразие областей, входящих в состав Амурского края.

Обращает на себя внимание одновременное использование номинаций

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

«страна» и «край» применительно к территории Приамурья и употребление топонимов «Приамурский край», «Амурский край» и «Амурская страна» в качестве синонимов. Так, в отчете за 1860 г. на одном листе подряд читаем:

«Устройство всякого нового края есть дело сложное и трудное, а тем более края при условиях, в которых находится географическое, экономическое и политическое положение *Амурской страны*» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202: 30 об.), а далее «[только после Айгунского договора стало возможным]

«действовать в ней [стране] «как в *провинции*, составляющей одно целое с Россией». Кроме того, в отчете встречаются следующие повторяющиеся словосочетания «устройство Амурского *края*», «частная деятельность русских весьма мало еще касалась Амурской *страны*» (Л. 35); «...есть надежда на лучшие для Амурской *страны* обстоятельства» (Л. 35 об.); «для вящего преуспевания нового края... [важен] вопрос заселения *страны*» (Л. 36);

«колонизация новой *страны*... [обеспечит] устройство и развитие Амурского *края*» (Л. 36 об.); и др. В его отчете за 1861 г. то же видим применительно и к Восточной Сибири «общее состояние края», «экономические условия страны» и «естественные богатства края», и к Приамурью (в разделе

«Амурский *край*» первый пункт назван «Заселение Амурской *страны*») (РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 161). Таким образом, наблюдается неустойчивое функционирование терминов. При большом желании можно увидеть слабо проглядывающую тенденцию: чаще страна – территория, край – административная единица. Однако можно предположить, что в рассматриваемый нами период категории «страна» и «край» вообще считались синонимами, о чем свидетельствует и толковый словарь В. И. Даля, где «край – начало и конец; предел, рубеж... берег, страна; земля, область, народ» (Даль 1979. Т. 2: 184). Словесная неопределенность номинаций дальневосточных территорий в отчетах Корсакова, соратника Муравьева, разделявшего его взгляды на будущее Амура, некоторым образом свидетельствует и о наступившей в правительственных кругах апатии по отношению к дальневосточной политике, разочаровании в результатах колонизации Тихоокеанского побережья и общим упадком российского флота, отказом от реализации его идеи административного переустройства Приамурского края, созданной специально для обсуждения данного вопроса межведомственной комиссией под руководством И. С. Лутковского.

В отчетах Н. П. Синельникова Приамурский край не выделяется как особый регион. Его отчеты подтверждают наблюдение А. В. Ремнева о том, что Синельников не отличался особым вниманием к дальневосточным делам (Ремнев 2004: 246). Более того, рассуждая о возможном новом административном делении Сибири, он предлагал сохранить в составе генерал-губернаторство

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Восточной Сибири часть Приморской области, наряду с Иркутской губернией, Забайкальской, Амурской и Якутской областями, прибрежную же часть Приморья вместе с островами (в том числе Сахалином) и Камчаткой передать Морскому министерству (РГИА. Ф. 1284. Оп. 69, 1874 г. Д. 135. Л. 6 об.). Таким образом, он, с одной стороны, осознавал специфические особенности разных территорий, вошедших впоследствии в состав Приамурского генерал-губернаторства, с другой же – считал, что Забайкалье и Амурская область должны остаться в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства (и заселяться путем крестьянской колонизации), в отличие от уже упомянутой прибрежной части Приморья и Камчатки, перспективы которых связаны с морским флотом. В мемуарах Синельникова постоянно подчеркивается плохое состояние административного управления Приморской области морским ведомством, злоупотребления местного военного губернатора, делается вывод о необходимости усиления полномочий восточносибирского генерал-губернатора для более эффективного решения проблем экономического и административного развития Приморья (Синельников 1895: № 6–7). Отчасти это объясняется конфликтом между Синельниковым и военным губернатором Приморской области адмиралом А. Е. Кроуном, которого поддерживало Морское министерство.

В отчетах генерал-губернатора П. А. Фредерикса, который, как и его предшественник, отстаивал территориальную целостность Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, тем не менее вновь появляется особый раздел, посвященный Дальнему Востоку. Так, в отчете за 1874 г. встречаем

«Положение Приамурского *края*» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 69, 1875 г. Д. 522. Л. 35 об. – 47 об.), в отчете за 1875–1876 гг. особо характеризуются Приамурский край, Северо-Восточное побережье и о. Сахалин (РГИА. Ф. 1284. Оп. 69, 1876 г. Д. 485. Л. 48–57 об.). Характерно, что в конце раздела о положении в Приамурском крае в отчете за 1874 г. есть «говорящая» ремарка: «...изложив настоящее положение Восточной Сибири» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 69, 1875 г. Д. 522. Л. 47 об.). Таким образом, для Фредерикса дальневосточные территории обладают своей спецификой, но все же рассматриваются как часть Сибири.

В отчетах Д. Г. Анучина сохраняется особый раздел о Приамурском крае, но для него это всего лишь составная часть (окраина) Восточной Сибири (и Сибири вообще), как прямо сказано в отчете за 1879 г. (Отчет по управлению Восточную Сибирью за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточную Сибирью 1884: 43). В другом месте того же отчета границы Южно-Уссурийского края упоминаются как часть границ Восточной Сибири (Отчет по управлению Восточную Сибирью за 1879 г.: 35). Здесь

же он подчеркивает важную роль Забайкальской области как связующего звена между центром

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

генерал-губернаторства и Приамурским краем, базы вооруженных сил (Отчет по управлению Восточную Сибирью за 1879 г.: 78–79). В отчете за 1880–1881 гг. генштабист Анучин, исходя прежде всего из военно-политических и стратегических соображений, возражает против отделения Приамурского края, он находит несвоевременным образование на Амуре самостоятельного управления, вывод его из-под ведения генерал-губернатора Восточной Сибири (Всепопданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 гг. 1884: 67). Наряду с необходимостью использовать военную базу Восточной Сибири и, особенно, Забайкальской области, для обороны Приамурья в связи с нарастанием угрозы внешних врагов в лице Китая и усиления позиций Британской империи в Китае и Корее, он высказывает опасение, что в новом самостоятельном генерал-губернаторстве ослабнет связь с империей и усилится тяготение к востоку. Здесь же он сравнивает эту недостаточно изученную, развитую и населенную часть генерал-губернаторства с Якутской областью, подчеркивая их сходство по указанным параметрам. Важно иметь в виду, что к этому времени Анучин, в отличие от своего предшественника, успел лично осмотреть этот регион. Высказывается Анучин и против включения в состав нового генерал-губернаторства Забайкальской области, обращая внимание на возможные сложности с управлением каторгой и горным делом, исторически связанными с Восточной Сибирью (Всепопданнейший отчет... за 1882 г. 1884. Т. 1. Вып. 1: 360–363).

В отчетах генерал-губернатора Восточной Сибири А. П. Игнатъева никаких упоминаний о Приамурском крае нет, за исключением констатации факта образования в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства, с этого времени дальневосточная территория исчезает из сферы непосредственных служебных приоритетов восточно-сибирских генерал-губернаторов.

Первый приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф выделял входившую в подведомственное ему генерал-губернаторство Забайкальскую область, подчеркивая специфику ее населения, экономики, географического положения. Более того, Забайкалье по-прежнему остается для него частью Сибири, несмотря на то, что область вошла в состав «его» генерал-губернаторства. Так, в первом его отчете читаем: «...население в Забайкалье, как и вообще в Сибири» (Всепопданнейший отчет приамурского генерал-губернатора... 1886: 56); во втором упоминается о переселении в Забайкалье из Европейской России и «из других частей Сибири» (Всепопданнейший отчет о состоянии Приамурского края...: 3). При этом примечательно, что в первом отчете подчеркивается одно обстоятельство, объединяющее Забайкальскую область с Северо-Востоком и отличающее от южных территорий: «Забайкалье и отдаленные северные округа принадлежат России уже более двух веков» (Всепопданнейший отчет приамурского генерал-губернатора... 1886: 75); во втором же отчете, наряду с особой характеристикой Забайкальской области, таким же образом, отдельно, дается характеристика северо-восточных округов, но гораздо

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

больше места и внимания уделено корейцам и китайцам, чье присутствие в регионе вызывает у него тревогу (Всепопданнейший отчет о состоянии Приамурского края...: 12–16). В том же отчете в разделе о тюрьмах, каторге и ссылке ситуация в Забайкалье и на Сахалине характеризуется в одном блоке, без выделения регионального своеобразия (оно, конечно, упоминается, но на нем не ставится акцент). Вообще во втором отчете больше видно понимание единства, даже целостности генерал-губернаторства, в том числе в связи с развитием коммуникаций. Но есть и прямое указание на различие Сибири и Дальнего Востока: говоря о предполагаемом строительстве железной дороги, подчеркивается:

«рельсовый путь в пределах одного Приамурского генерал-губернаторства... был бы очень убыточен, но необходимо продолжить его через всю Сибирь, которая нуждается в нем не менее Приамурского края» (Всепопданнейший отчет о состоянии Приамурского края...: 51–52). В данном случае важно, что в начале своей деятельности на посту генерал-губернатора Корф не только в отчете, но и в выступлениях на II Хабаровском съезде сведущих людей, высказывал сомнения в целесообразности присоединения Забайкальской области к генерал-губернаторству, имея в виду ее территориальную отдаленность от Хабаровска и иную исторически сложившуюся структуру управления. Однако по мере знакомства с новым для него Дальним Востоком (в том числе и при помощи инициированных им хабаровских съездов сведущих людей (1885, 1886, 1893), в процессе своей деятельности по управлению генерал-губернаторством и его социальному конструированию он акцентировал все больше внимания на общности различных частей вверенной ему территории. Это напрямую связано и с идеей Корфа «управлять Амурской областью не как российской губернией, а как самостоятельной колонией» (Цит. по: Ремнев 2004: 282).

Очень интересны последние слова отчета, они якобы сказаны «простым крестьянином» в связи с ожидавшимся прибытием наследника престола Николая Александровича: «Теперь, значит, Сибирь уже не будет Сибирью» (Всепопданнейший отчет о состоянии Приамурского края...: 80). Трудно сказать, понимали ли включившие его в текст чиновники (или сам Корф) многозначность этих слов, но современный исследователь свободен рассуждать в этом направлении.

В отчетах преемников Корфа сохраняется дуальность представлений о том, является ли Дальний Восток частью Сибири или самостоятельным регионом. Так, С. М. Духовской, с одной стороны, видит управляемый им край частью Сибири. Подобное представление как бы реставрируется, возникает вновь в связи со строительством Транссиба: «Для нашего края Великая Сибирская железная дорога – это светлый луч солнца, врывающийся в глухую и темную сибирскую тайгу... Наблюдателю со стороны должно казаться, что в Сибири совершается чудо: край,

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

лишенный доселе всяких сообщений, разом получает теперь то, что составляет венец современной науки» (Всепопданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского 1895: с. 51).

С другой же, размышляя о значении железной дороги для Приамурья, он пишет: «Событие 19 мая 1891 г., когда... Наследник Престола заложил первый камень Великой Сибирской железной дороги, встрепенуло всю Сибирь из конца в конец и от велика до мала. Блеснувший в глубь непроглядной тайги луч живительного света откликнулся более всего в *Приамурье, как в стране наиболее отдаленной, наименее населенной и устроенной...* В *нашем крае* нет предприятия, которое прямо или косвенно не было бы связано с новым путеводителем сибирской жизни» (Всепопданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского 1895: 1).

В отчете приамурского генерал-губернатора за 1898–1900 гг. Н. И. Гродекова (приамурский генерал-губернатор в 1898–1902 гг.) мы вновь встречаем противоречивое понимание того, являлось ли Приамурье частью Сибири: «Отдаленность Приамурского края от хлебных районов Европейской России и Сибири» (Всепопданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова. 1901: 41), но при этом в том же отчете есть примечательные оговорки: «Хотя повсеместно в Сибири, не исключая и Приамурья» (Всепопданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова. 1901: 102).

Итак, всепопданнейшие отчеты восточно-сибирских и приамурских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия дают возможность судить о месте дальневосточных территорий на ментальных картах представителей высшего регионального управления. Мнение генерал-губернаторов по данному вопросу зависело от разных обстоятельств.

1. *От символического значения, которое они придавали «дальневосточным приобретениям империи» и в конечном счете от их мировоззренческих ориентиров* (так, если в социальном воображении Н. Н. Муравьева и М. С. Корсакова эти территории наделялись особым статусом и рассматривались как пространство социального эксперимента, в котором старый сословный, крепостнический режим, с судебной волокитой и прочими анахронизмами традиционного общества должен уступить место новому гражданскому обществу с развитым местным самоуправлением и справедливым судом, то для Н. П. Синельникова, П. А. Фредерикса, Д. Г. Анучина территории, вошедшие впоследствии в состав Приамурского генерал-губернаторства хотя и обладали определенной спецификой, заключающейся в географическом положении, иных природно-климатических условиях, позднем вхождении в состав империи значительной части этих территорий, иной системе территориального управления, особом

составе населения (высокий процент инородческого, ссыльно-каторжного населения и пр.), но в целом осмысливались как часть Восточной Сибири, ее восточная окраина. При этом, если Муравьев и Корсаков, имея в виду одного из непосредственных адресатов отчетов – императора, и называли Приамурье частью Сибири, в тексте отчетов они структурно выделяли Амурский край как особую территорию.

2. *От специфики всеподданнейших отчетов как особого вида делопроизводственной документации.* Известно, что всеподданнейшие отчеты по управлению губерниями и областями подавались и государю, и министру, и генерал-губернатору. Как уже неоднократно заявляли историки, генерал-губернаторские и губернаторские отчеты были важным каналом информации, средством прямой связи глав регионов с центром и самим монархом. Будучи представителями Центра в регионах, в то же время они являлись выразителями местных интересов. Д. Г. Анучин так и писал:

«Предстательствовать о нуждах Сибири я считаю первым своим долгом» (Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 гг. 1884: 140). Привлекая отчеты генерал-губернаторов в качестве источника, мы имеем дело не с самими представлениями генерал-губернаторов, а с тем, как они презентовались в отчетах. Они формировались и эволюционировали под влиянием ряда факторов. Во-первых, это собственные непосредственные впечатления, со временем изменявшиеся и дополнявшиеся. Во-вторых, чтение отчетов предшественников и подчиненных, литературы –

художественной, научной, публицистической. В-третьих, знакомство с жалобами и прошениями отдельных лиц и групп населения. На презентацию включавшихся в отчет и наполнение тех или иных положений влияли также понимание целей и содержания политики центральных властей, внимание генерал-губернатора к отдельным аспектам своей деятельности, которое зависело и от стоявших перед ним задач. Иногда генерал-губернаторы являлись самостоятельными авторами отчетов, однако чаще всего отчет был продуктом коллективных усилий. Сам генерал-губернатор мог быть не вполне искренним, он мог – и порой так и делал – сознательно или неосознанно пытаться влиять на монарха и/или министров и других деятелей высшей власти и центрального управления, выделяя те или иные характеристики, формируя тот образ, который должен был сложиться у адресатов отчета.

3. *От непосредственного знакомства генерал-губернатора с Приамурьем и отношением к региону и его вхождению в империю.* Даже в тех случаях, когда генерал-губернатор не разделял идею административного выделения Приамурья из Восточной Сибири, как Н. П. Синельников, но сам побывал на Дальнем Востоке, он фиксировал в своих отчетах особые условия развития экономики, административного управления, состава населения самых восточных областей империи. Еще более важно, что генерал-губернаторы Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский и М.С. Корсаков не только по многу раз посещали Приамурье. Присоединение региона к России было главным делом их жизни, важнейшим историческим свершением, к которому они были причастны. Д. Г. Анучин, хотя и не участвовал в «амурской эпопее», придавал особое значение региону в военно-стратегическом и геополитическом отношениях.

4. *От самих свойств географических образов,* перечисленных нами в начале доклада, а именно их инерционности, многослойности, противоречивости. Все эти характеристики наглядно демонстрируют отчеты первых приамурских генерал-губернаторов, которые то позиционируют, в соответствии с новыми административными и геополитическими реалиями, Дальний Восток (как синоним Приамурского генерал-губернаторства) как самостоятельную административно-территориальную единицу, то по инерции соотносят ее с Сибирью.

Секция 8: Образы и репрезентации (8)

2. Алексей Александрович Волвенко

Как «Земля» стала «Областью». К истории переименования «Земли войска Донского» в «Область войска Донского» в 1870 году: смыслы и значение

В записке военного министра Д.А. Милютин к Александру II от 26 апреля 1870 г. было предложено воспользоваться предстоящей реформой Войскового правления (аналог Губернского правления) для переименования Земли войска Донского в Область войска Донского (далее – ЗвД и

ОвД). В записке отмечалось, что «название Войскового правления войска Донского не соответствует действительному значению этого административного учреждения, т.к. до него не относятся никаких собственно войсковых обязанностей, а все предметы его ведомства заключаются исключительно в гражданском управлении краем, причем и подведомственное ему народонаселение состоит более чем на 1/3 часть из лиц гражданского состояния. Поэтому... было бы удобнее переименовать ЗвД в ОвД и Войсковое правление в Областное правление... Дабы не издавать по этому предмету особого законодательного акта... не соизволите ли при поднесении из Государственного совета... проекта преобразования Войскового правления в Высочайшей резолюции утвердить этот проект: «с тем, чтобы Земля войска Донского переименована в Область войска Донского и Войсковое правления в Областное правление войска Донского». На записке Александр II собственной рукой начертил карандашом «со-ъ» («согласен» – В.А.)²³. Однако вскоре выяснилось, что император уже утвердил реформу Войскового правления 23 апреля²⁴, поэтому Военное министерство срочно подготовило проект высочайшего указа Правительствующему Сенату о переименовании, который Александр II и подписал 21 мая 1870 г., находясь в Германии в г. Эмсе²⁵. В преамбуле указа его назначение определялось следующими словами: «для согласования наименования земли войска Донского и Войскового правления войска Донского с общепринятыми наименованиями в Империи».

В этот же день в Новочеркаске – столице донского казачества – началось официальное празднование 300-летнего юбилея войска Донского, сопровождавшееся различными мероприятиями, в том числе артиллерийским салютом и иллюминацией. Кроме императора, на праздник не приехал военный министр Д.А. Милютин, в непосредственном ведении которого находились казачьи войска и их территориально-административные образования. Таким образом, торжественные обязанности главного гостя легли на плечи Атамана всех казачьих войск, наследника престола царевича Александра, прибывшего на Дон с супругой. С его согласия утром 21 мая войсковой наказной атаман войска Донского М.И. Чертков в присутствии видных представителей казачьего генералитета, офицерского корпуса и всех станичных атаманов зачитал перечень принятых законов, приуроченных к юбилею, в том числе, о преобразовании Войскового правления войска Донского; о введении «Положения об общественном (станичном) управлении в казачьих войсках»; о переводе срочных участков земли казачьих офицеров и чиновников в потомственную собственность с уплатой пошлин и формированием из них вспомогательного капитала (для выплат пенсий – В.А.) и пр. Однако о

²³Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.330. Оп.1. Д. 134. Л.1-2, 19.

²⁴ ПСЗ 2-е собр. СПб.,1874. Т.XLV. Отд.1. №48276. «Высочайше утвержденное временное Положение о преобразовании Войскового правления войска Донского»

²⁵ПСЗ 2-е собр. СПб.,1874. Т.XLV. Отд.1. № 48387. «О переименовании земли войска Донского в область войска Донского, а Войскового Правления этого войска в Областное Правление».

переименовании ЗвД в ОвД атаман не упомянул и, думается, все присутствующие лица во время оглашения указов находились в полном неведении по этому поводу.

В историографии первым обратил внимание на «политический характер» переименования донской историк и государственный деятель дореволюционной эпохи и эмигрантского периода С.Г. Сватиков. В его известной книге «Россия и Дон (1549-1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону» (1924) история донского казачества рассматривается с точки зрения концепции колониального развития Донской земли через распространение имперского законодательства в ущерб автономистским казачьим правовым обычаям. Такой подход позволил С.Г. Сватикову интерпретировать акт переименования как проявление «политики объединения Донского края с Россией и уравнивания его с другими местностями Империи». По мнению историка, «старинное наименование края «Земля войска Донского» продолжало напоминать о том времени, когда вольная колония имела свое государственное бытие», а день празднования 300-летнего юбилея «...был избран для того, чтобы уничтожить историческое имя края». В переименовании С.Г. Сватиков увидел «несомненно, определенное политическое значение», а не «обычное и заурядное административное распоряжение»²⁶.

И действительно если принять точку зрения С.Г. Сватикова и попытаться дальше развить его мысль, опираясь на события из прошлого казачества, можно выстроить следующую логику действия властей, приведшую к появлению закона от 21 мая 1870 года.

Наименование/переименование в административной практике Российской империи являлось средством проникновения и освоения, наказания и доминирования, приведения к лояльности и формирования мифов, используемым на окраинах империи, на недавно присоединённых землях, а, следовательно, и на казачьих территориях. Иллюстрацией этого утверждения может служить переименование Яицких казаков в Уральских в 1775 г. в наказание за Пугачевский бунт; введение звания «Атамана всех казачьих войск», которое с 1827 г. получал каждый наследник русского престола одновременно с церемониальной практикой «работающей» на укрепление «мифа о царе и казаке»²⁷; территориально-административное реформирование Черноморского и Кавказского Линейного казачьих войск в 1860 г. с переименованием соответственно в Кубанское и Терское войска, подчеркивающим принадлежность двух важных кавказских рек русскому престолу в лице казачьих

²⁶Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград, 1924. С. 350.

²⁷Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2-х тт. М., 2002. Т. 1. С.317; McNeal R. Tsar and Cossack, 1855–1914. New York: St. Martin's Press, 1987. P.1–5; Королев В.Н. «На Дону нет царя»: о так называемом казачьем монархизме // De die in diem: памяти А.П. Пронштейна (1919–1998). Ростов н/Д., 2004. С. 241–257.

войск, и прерывающим историю Черноморского казачества, основанную на традициях Запорожского войска, переселенного на Кавказское Причерноморье в 1790-х гг. и пр.

Именно в этом ключе следует рассматривать появление официального названия территории донского казачества как «Земли войска Донского». В правовой практике XVIII в. для обозначения места проживания донских казаков, как правило, использовались следующие словосочетания – в/на «земле Донских казаков», «земле Донского войска». Первая карта владений донских казаков, составленная в 1786 г. под руководством Г.А. Потемкина, получила название «Пограничная карта земель войска Донского». Тем самым екатерининскому фавориту удалось облечь войсковую территорию в конкретные границы. Тем не менее, наличие границ не помешало донским казакам продолжать достаточно свободно распоряжаться «своими» землями на основе обычного права. Потемкин также устроил местную казачью администрацию по примеру губернских учреждений. Но и это не стало поводом для появления Донской губернии на административной карте империи. В «Российском атласе...» А. Вильдбрехта (1792) отдельно значится «Карта Кавказского наместничества и земли войска Донского»²⁸. В 1793 г. Екатерина II пожаловала донскому войску грамоту с приложением потемкинской карты 1786 г., которую лично подписала и закрепила печатью. В грамоте говорилось о монаршем «желании войску Донскому доставить беспорное на вечные времена **владение принадлежащими оному землями**» (выделено нами – В.А.). Таким образом, «войско Донское» становилось легитимным правообладателем земли, очерченной высшей властью в пределах империи. Отследить же процесс превращения названия на карте в общеупотребимый термин «Земля войска Донского», используемый в делопроизводстве конца XVIII – I пол. XIX в. в качестве обозначения единицы административно-территориального деления, представляется практически невозможным. Причем такое название являлось единственным в списке губерний и наместничеств империи до 1870 года.

К нач. XIX в. пользуясь относительной свободой в землепользовании отдельные представители казачьего офицерства (приравненные в правах с российским дворянством) и предприимчивые казаки расширяя (захватывая) свои земельные владения все чаще поселяли на них крепостных крестьян, превращаясь в помещиков. Действия имперских властей по правовому регулированию таких захватов и прекращению их в дальнейшем приводят к изменению природы казачьего землевладения, превращающегося из вольного и неограниченного в служилое и ограниченное. Таким образом, формируется целая система земельных пожалованных прав и привилегий, за обладание которыми казаки были обязаны нести военную службу за свой счет. Упомянутая система нашла свое юридическое воплощение в «Положении об управлении Донским Войском» 1835 г. и сопутствующих

²⁸ Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий. СПб., 1792.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

дополнительных законодательных актах. Эти документы закрепляли две формы землевладения на Дону: общинное (паевое) войсковое землевладение (в том числе, войсковые свободные земли) и частновладельческое – поместное. Последнее было представлено неравномерно – явное меньшинство составляли крупные донские помещики – потомственные землевладельцы, большинство же оставалось за беспоместными и мелкопоместными генералами, офицерами и чиновниками, владеющими т.н. пожизненными или срочными участками земли.

Отмена крепостного права и политика военного министра Д.А. Милютин по внедрению элементов «гражданственности» в казачьих войсках в 1860-х гг. инициировали дискуссии о необходимости утверждения среди казачества полноценной частной земельной собственности, а также возможности свободной продажи войсковой земли не только казакам, но и иногородним. Однозначно против таких планов на Дону высказались владельцы срочных участков земли, которые, видимо, почувствовали опасность для благосостояния своих семей. Идеальным вариантом для них было бы закрепление верховенства войсковой собственности на землю, недопущение иногородних на территорию войска, сохранение замкнутости казачьей общины и пр. Подобные идеи, подкрепленные желанием возродить (соблюсти) войсковые исторические традиции, продвигались в периодической печати казачьими интеллектуалами («казакоманами»). Они были заложены в новом войсковом положении, подготовленным новочеркасским комитетом в нач. 1860-х гг., и которое, закономерно, не удовлетворило центральную власть. Дебаты в прессе, в том числе, столичной, по упомянутым вопросам даже дали повод «отечественной публике (подогретой польским восстанием 1863 г. – В.А.) думать, что Донцы имеют склонность к сепаратизму».

Другой более прагматичный вариант развития событий выгодный владельцам срочных участков земли заключался в том, чтобы было удовлетворено их неоднократно выдвигаемое требование о превращении срочных земельных участков в потомственную собственность. Он стал реалистичным после того как Александр II сначала подтвердил в 1863 г. «все права и привилегии» донского казачества, но подготовку запланированных Военным министерством казачьих преобразований все же перенес в столицу. Промежуточным итогом деятельности Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений (1865-1872) при Главном управлении иррегулярных войск (далее – ГУИВ) как раз и стали, зачитанные атаманом М.И. Чертковым, указы, в том числе, долгожданный закон о переводе срочных участков земли казачьих офицеров и чиновников в потомственную собственность.

Принятый закон стал, пожалуй, одним из главных элементов юбилейных торжеств. Наряду с праздничными мероприятиями его можно расценить как важное «прикрытие» для «операции» по переименованию «Земли» в «Область». Об том косвенно свидетельствует высказанное опасение со стороны начальника ГУИВ Н.И. Карлгофа о том, что планируемая смена названия станичного «сбора»

на «сход» (название низового крестьянского органа управления в Империи) в готовившемся новом «Положении об общественном (станичном) управлении в казачьих войсках» донские казаки встретят «не сочувственно» (из-за сравнения с податным населением). В связи с этим, Н.И. Карлгоф потребовал максимально ускорить подготовку реформы для того, чтобы специально приурочить ее к 300-летию юбилею. Можно предположить, что «не сочувствие» было ожидаемо властями и от «согласования наименования земли войска Донского... с общепринятыми наименованиями в Империи». Для части современников, увлеченных упомянутыми дискуссиями нач. 1860 г., на наш взгляд, было очевидно, что название «Земля войска Донского», корнями уходящее в средневековую эпоху расширения московского царства, недвусмысленно указывало на принадлежность земли ее владельцу – Войску Донскому, **на которой** казаки собственно и проживают. Наименование же «Область» подчеркивало окраинный, **присоединённый** характер территории, население которой теперь располагалось в **Области**, без монополии на земельную собственность (выделено нами – В.А.). Иначе говоря, переименование могло быть интерпретировано частью казаками как реализованное имперским центром словесное уничтожение даже намек на *самость* донского казачества, на его территориальную «отдельность».

Скорее всего, празднование юбилея и закон о срочных участках все же сыграли свою роль «прикрытия». Местное население переименование особо не заметило, по крайней мере, источников, которые бы указывали на факты обсуждения этой темы в обществе, на страницах периодической печати мы не обнаружили. В «Подробном атласе Российской империи...» А. Ильина за 1871 г. еще встречается наименование «Земля войска Донского». В этом же издании, но за 1876 г. уже говорится об «Области войска Донского». А первая карта, созданная на Дону с новым названием, появилась только в 1875 г. в качестве побочного результата переписи населения 1873 года.

В нач. XX в. в ОвД вокруг девиза «Дон для донцов» (кстати, инициированного властью в лице войскового наказного атамана Ф.Ф. Таубе) формируется казачий консервативный, националистический дискурс. Он акцентирует внимание на казачестве как на «настоящем» собственнике донской земли. Апелляция к историческому прошлому становится повсеместной в дискуссиях между сторонниками и противниками разных вариантов развития казачества. Так, для будущего атамана первого и единственного казачьего государства «Всевеликого войска Донского» П.Н. Краснова в 1910 г. становится очевидным, что «название «Донская область», «Область Войска Донского» пора заменить старым, так много говорящим казакам, названием «Земля донских казаков». Не исключено, что С.Г. Сватиков пришел к вышеупомянутым выводам о «политической» подоплеке переименования, находясь под влиянием данного дискурса.

Таким образом, в нашем повествовании о причинах и смысле превращения «Земли» в «Область» донские казаки, войско Донское изображены жертвой своеобразной символической

политики имперского центра. Но нам представляется, что на этот сюжет можно посмотреть и с другой стороны. Со стороны, в которой «виновность» за переименование во многом лежит на самом качестве, а смысл его носит скорее технический, а не политический характер.

Начиная с XVIII в. донские казаки демонстрировали прогрессирующую заинтересованность в обеспечении себя лично, своих семейств земельными владениями. Одновременно логика экономического развития повышала ценность земли, делала земледелие главным видом казачьего хозяйствования. К сер. XIX в. формально общая войсковая земля фактически была распределена между разными внутрисословными группами казачества, т.е. она перестала быть войсковой в точном смысле этого слова. Только владельцы срочных участков земли оставались «обделенными» полноценным правом распоряжения своими землями, но и они предпринимали различные шаги к исправлению такого положения. Безусловно, центральная власть использовала земельный вопрос в своих интересах, используя его как эффективное средство для продвижения своих интересов среди казачества. Так, например, именно ей принадлежит инициатива по введению свободной покупки-продажи земли на казачьих территориях, реализованная в 1868 году. Эта мера должна была увеличить темпы экономического роста в казачьих войсках и защитить земельные права бывших донских помещиков и временнообязанных крестьян. Но, повторим еще раз, власть начинала действовать зачастую только тогда, когда масштаб проблем уже требовал вмешательства с ее стороны. По крайней мере, на наш взгляд, так было до сер. XIX века.

Принятие закона о переводе срочных участков земли казачьих офицеров и чиновников в потомственную собственность окончательно превращало понятие «войсковая земля» в анахронизм не соответствующий действительности. Т.е. появление «Области войска Донского» зафиксировало то, что уже случилось по факту. Мы не нашли свидетельств, которые бы указывали на проработку вопроса о переименовании в Военном министерстве, видимо, он не рассматривался как важный. Д.А. Милютин в своих мемуарах, написанных в 1880-1890-х гг., позволил себе приоткрыть завесу над многими тайнами внутренней и внешней политики империи, он так же неоднократно обращался к деталям правительственного курса в отношении казачьих войск. Но при этом он явно ошибся, вспоминая о том, что «высочайшее повеление о наименовании Земли войска Донского «Областью» было объявлено 12 мая»²⁹. Для бывшего военного министра эта история явно не представляла интереса и не требовала дополнительных разъяснений.

3. Максим Вячеславович Зайцев

²⁹ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868-начало 1873. М., 2006. С.258.

«Фамусов:

Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.

Подалее от этих хватов,

В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,

Там будешь горе горевать.

За пяльцами сидеть, за святцами зевать».

Знаменитые строки комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» недвусмысленно указывают на то, что в период создания пьесы (1820-е гг.) Саратовский край воспринимался современниками как отдаленная от главных культурных центров и слабо развитая аграрная провинция, своего рода – «внутренняя окраина» Российской империи. С легкой руки талантливейшего поэта этот стереотип надолго и прочно прикрепился к Саратову, существуя как в мемуарах современников, так и в публицистике. Даже местная интеллигенция, находясь во власти такого представления, стремилась вырваться из «затхлой провинциальной среды» (яркий пример – судьба Н. Г. Чернышевского).

Однако уже в начале 1880-х гг. печать стала применять к Саратову гордый неофициальный титул «столицы Поволжья», бытовавший затем до начала XX в. Цель доклада – выяснить причины и механизмы этой эволюции в образе города.

Речь пойдет о прецеденте «региональной столицы», который некоторые специалисты понимают как попытку «переноса центр-периферийной модели государственного устройства на региональный уровень выстраивания внутренней дихотомии развития в рамках более узкого региона страны»³⁰. Для достижения такого, пусть и номинального, статуса городу нужно было выйти на лидирующие позиции по нескольким ключевым показателям: численность населения, экономика, благоустройство городского пространства, образование, культурно-просветительская сфера. Урбанизационные процессы, происходившие в России середины XIX в., а также субъективные обстоятельства способствовали решению Саратовом этой задачи. За несколько десятилетий городу

³⁰ Окунев И. Ю. Столица и столичность: институт и символический капитал // Философские науки. 2016. № 1. С. 85.

удалось во многих отношениях опередить своих конкурентов – другие поволжские города (прежде всего Казань, Самару и Астрахань).

В 1830–1860-е гг. Саратов еще не производил на современников впечатления чего-то выдающегося на фоне других центров юго-востока России. Травелог и путеводители той поры в лучшем случае фиксируют внешнюю привлекательность его центральной части и многочисленность населения: «Саратов по красоте своей, важной торговле и числу жителей ... есть первый после Казани город на Волге» (Г. Г. и Н. Г. Чернецовы, 1838 г.). Хотя А. Дюма, посетившему Россию в 1858 г., город показался грязным и ничем не примечательным. Тем не менее, в эти десятилетия происходили изменения малозаметные для современников, но очевидные с точки зрения социально-экономической истории. Саратов уже в начале 1860-х гг. опережал все города Поволжья по численности жителей и постепенно превращался в крупнейший торговый центр, а также средоточие обрабатывающей промышленности. Накапливаемые местным дворянством и купечеством средства, ресурсы муниципалитета позволяли постепенно модернизировать городское пространство, открывать новые инфраструктурные объекты, развивать сеть культурно-просветительских учреждений. Так, в частности, создаются деревянный водопровод (1840–50-е гг.), институт благородных девиц (1854), каменное здание театра (1865).

Внешние изменения повлекли за собой и перемены в восприятии. Актер В. Н. Давыдов, побывавший здесь в 1870–1871 гг. писал: «Саратов, хотя уже не был тем Саратовом, которым Фамусов пугает Софью, но все же он ничем не выдавался из общего типа провинциальных городов... <...> Но город был все же красивый. Много каменных зданий. Громадный базар <...>. Хороший городской каменный театр». 70-е гг. XIX в. стали переломной эпохой, когда экономический и культурный рост Саратова ускорился благодаря двум факторам. В 1870 г. вводится новая форма городского самоуправления, создавшая условия для более эффективной работы муниципалитетов, а в 1871 г. начинается эксплуатация железной дороги, соединившей Саратов с Москвой.

Новые условия позволили интенсифицировать развитие городской экономики, благоустройства и прочих направлений. Создается централизованный водопровод (1875), вторая крупная больница (1878), осуществляется крупная программа замощения улиц, возникают десятки новых начальных и средних учебных заведений. Кроме того, социально-экономический рост привел к увеличению изданий местной периодической печати, в которой впервые и возникло понятие об исключительной роли Саратова в регионе, началось его именование «столицей Поволжья». Наиболее раннее использование этого словосочетания зафиксировано в вышедшем в 1881 г. труде местных журналистов С. Гусева и А. Хованского «Саратовец. Указатель и путеводитель по Саратову». С этого

времени неофициальный титул регулярно встречается в путеводителях, газетных публикациях, мемуарах и других текстах.

Появление неофициального титула «столицы Поволжья» вытекало из стремления местных жителей подчеркнуть свою «особость», противопоставить свой город соседним (в выигрышном свете), что можно считать одним из признаков качественной урбанизации, проявлением процесса формирования локальной городской идентичности. Однако необходимо подчеркнуть, что его применение скоро вышло за пределы «локального мифа», поскольку он использовался и приезжими из других регионов³¹.

«Столичность» проявлялась для современников в многочисленности населения, в размерах городской территории (в этом смысле преимущество Саратова был хороший обзор с Волги и с Соколовой горы), во внешнем благоустройстве городского пространства, в количестве и качестве образовательных и культурно-просветительских учреждений.

Закрепление за городом в начале 1880-х гг. неофициального статуса региональной столицы способствовало его дальнейшему возвышению и росту. С каждым десятилетием репутация «столицы Поволжья» утверждается новыми крупными событиями, такими как открытие художественного музея им. А. Н. Радищева (1885), конно-железной дороги (1887), рисовального училища им. А. П. Боголюбова (1897), трамвайного движения (1908), консерватории (1912) и т. д. Причем почти ко всем новшествам относилось определение «первое/одно из первых» в провинции. В совокупности с все увеличивающимися масштабами внешнего благоустройства и каменной застройки эти достижения укрепляли город в его статусе, добавляли признаков «столичности» в облик. Так, известный философ и публицист В. В. Розанов, побывавший здесь в 1900-х гг., писал: «В самом деле, это столица нижней Волги. Едва мы сошли на берег, как впечатления именно столицы пахнули на нас. Чистота и ширина улиц, прекраснейшие здания, общая оживленность, роскошнейший городской сад, полный интеллигентного люда, – все это что-то несравнимо не только с другими приволжскими городами, но и с такими огромными средоточиями волжской жизни, как Нижний Новгород и Казань»³².

Со временем уже созданная репутация стала оказывать прямое влияние на возникновение в Саратове объектов, делающих его центром поволжского региона в различных смыслах: перенесение из Санкт-Петербурга управления Рязано-Уральской железной дороги (1893) и создание Императорского Николаевского университета (1909). В последнем случае правительство

³¹ Лендер Н. Н. Волга: очерки и картины (с картой Поволжья). СПб., 1889. С. 177; Валуева (Мунт) А. П. По великой русской реке: очерки и картины Поволжья. СПб., 1895. С. 197; Сидоров В. М. По России. Волга. Путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия. М., 2019. С. 238.

³² Розанов В. В. Русский Нил. М., 2015. С. 144.

рассматривало заявки десяти городов (в том числе всех крупнейших городов Поволжья, за исключением Казани) и остановилось на Саратове, признав, таким образом, его лидирующую роль.

Секция 9: Региональное управление: территория и администрация

1. Михаил Викторович Друзин

Пермская губерния конца XIX – начала XX века как место службы командированных чиновников: точки притяжения и отторжения

Пермская губерния конца XIX – начала XX века в административно-служебном отношении представляла собой место, для приезжего чиновника (от губернатора до рядового чина) не самое удачное, и даже характеризуемое им как «ссылка» в сравнении с губерниями южными, центральными или северо-западными.

Огромная по размерам, заключающая в себе территории шести губерний Центральной России, Пермская губерния не обладала достаточной транспортной инфраструктурой, равно плохо была связана со столицами. В силу горнозаводского характера промышленности в губернии и низкого развития сельского хозяйства социальная структура региона так же отличалась: вместо крестьян – горнозаводские рабочие, дворянского общества не было, т.к. отсутствовали поместья, а владельцы горнозаводских имений проживали по большей части в Петербурге и Москве.

Поэтому северная уральская губерния воспринималась низшим чиновничеством как стартовая площадка в служебной карьере — здесь можно было быстрее выслужить очередные чины, а затем, задействовав свои связи в столицах, если таковые имелись, постараться перевестись в более удобные для жизни губернии.

Отторжение вызывала, в частности, невозможность для чиновника дать высшее образование своим детям. В Перми не было собственного высшего учебного заведения, лишь в 1916 г. здесь открывается Пермское отделение Петроградского университета, а в 1917 г. — Пермский университет. Это создавало проблему: либо надо было отправлять детей учиться в Москву или Петербург, что вызывало дополнительную финансовую нагрузку на семейный бюджет, либо искать новое место службы в столицах, что без протекции тоже казалось непросто.

Замещающего место губернатора назначал сам император. Однако новоиспеченные пермские губернаторы по большей части не имели опыта самостоятельного управления губернией, и, получив в Перми необходимые знания, покидали губернию, — идя либо на «повышение», либо «в отставку», — задерживаясь на этом посту на 3–5 лет. А занимавший место губернатора долее всех, в период с конца 1870-х до 1917 г. — целых 7 лет, Василий Викторович Лукошков и вовсе удостоился от одного высокого чиновника неоднозначной оценки — «человек по общим отзывам далеко не нормальный».

Губернатор И. Ф. Кошко, только получив назначение в Пермь, вспоминал, какой ему представлялась эта губерния: «Пермь мне рисовалась Сибирской глушью, царством трескучих морозов, краем весьма малонаселенным, с огромными лесными пустынями между редкими жилыми пунктами». Но значительно смягчил это восприятие его друг, также ранее пермский губернатор А. В. Болотов, отметив, что там много «симпатичных людей, с которыми очень приятно жить и иметь дело», что «это в сущности наиболее культурная губерния в России, с неисчислимыми разнообразными богатствами». Хотя сам А. В. Болотов перед знакомством с губернией имел примерно те же представления.

Еще одним испытанием для приезжего чиновника становился климат. Губернатор В. А. Лопухин пробыл в Перми всего лишь год и, по невозможности переносить суровый северо-уральский климат, был переведен в Новгород.

Отсутствие удобной транспортной инфраструктуры вплоть до первого десятилетия XX в. делало Пермскую губернию, как и всю Сибирь за ней, «чужой» для жителей Центральной России. Даже владельцы горных заводов губернии бывали на них раз или два за все время владения. Губерния существовала в достаточно замкнутом пространстве, ведь все сообщение с другими губерниями ограничивалось периодом судоходства рек. Только обсуждение необходимости строительства Сибирской железной дороги заняло четверть века, с 1866 по 1891 гг., тогда как Центральной России сеть железных дорог соединила главные города буквально за 15 лет.

Правительство не пыталось создавать центры притяжения в удаленных губерниях. Пермская губерния, как промышленная, горнозаводская, могла интересовать главным образом чинов горного ведомства — горных инженеров, поступавших на частную службу к горнозаводчикам. Но при выборе казенной горной службы инженеры так же тяготели к южным или западным областям империи все по тем же причинам, что и гражданские чиновники.

Поэтому отношение пришлых чиновников к месту службы в Пермской губернии как к ссылке объясняется оценкой центральной и высшей властью Российской империи значения Урала в целом и Пермской губернии в частности. Они оставались на периферии империи, возбуждая к себе внимание правительства только в годы революций и экономических кризисов.

2. Амиран Тариелович Урушадзе

«Неожиданное Кавказское наместничество: император, министры и наместники в борьбе за выбор политического курса на южной окраине России»

Кавказское наместничество было создано в 1844–1845 гг. и стало большой неожиданностью для столичной бюрократии. На протяжении предшествовавших двух десятилетий Кавказ, казалось бы,

должен был стать в политико-административном отношении простым продолжением внутренних российских губерний.

Главноуправляющий в Грузии и командующий Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевич (1827–1831), а также сенаторы П.И. Кутайсов и Е.И. Мечников, проводившие ревизию Закавказья в 1829–1831 гг., предлагали ввести на Кавказе российское губернское управление «с некоторыми изменениями». Последние заключались «в учреждении на месте особого высшего правительства с полной властью по делам управления и суда». В 1831–1832 гг. этот план преобразований рассматривался в Государственном совете и был близок к утверждению, но тогда против введения на Кавказе ординарного губернского управления решительно выступил новый глава кавказской администрации Г.В. Розен (1831–1837), выступавший за сохранение военного управления в ряде Закавказских провинций империи.

Следующей попыткой административного слияния Кавказа с остальной империей стала реформа сенатора П.В. Гана. Она являлась развитием программы Паскевича–Мечникова–Кутайсова, но отличалась большей прямолинейностью. П.В. Ган считал, что непреодолимых препятствий к повсеместному введению на Кавказе российских судебно-административных схем не существует. Реформа полностью провалилась, а П.В. Ган и его поспешность еще долго служили примером пагубности столичных планов среди начальников кавказской администрации. Генерал В.О. Бебутов в письме первому кавказскому наместнику М.С. Воронцову от 31 октября 1847 г. вспоминал П.В. Гана как «сановника, накинувшего черную тень на все отрасли управления за Кавказом».

Под впечатлением от крушения реформы П.В. Гана, у императора Николая I начал формироваться собственный и оригинальный взгляд на перспективы моделирования кавказской администрации. В «Наказе Главному управлению Закавказским краем», утвержденному в ноябре 1842 г., служебные права главы региональной администрации расширились. Этот документ стал предвестником настоящего переворота, который был произведен императором в конце 1844 г., когда кавказским наместником был назначен граф М.С. Воронцов, занимавший должность новороссийского генерал-губернатора. Воронцов получил в свои руки власть «полудержавного властелина» на огромном пространстве Большого Юга Российской империи от Дуная до Аракса. Историк и издатель П.И. Бартенев как-то сравнил влияние Воронцова с всевластием Г.А. Потемкина. Преемники Воронцова (А.И. Барятинский, великий князь Михаил Николаевич) смогли сохранить особый статус наместничества в административной структуре империи. Такое положение вызывало негативную реакцию министров и главноуправляющих, которые предпринимали регулярные служебно-иерархические атаки, направленные на сокращение автономии Кавказского края и его наместника. Полем битвы в борьбе за выбор политического курса стал Кавказский комитет.

Определяющее значение в работе Кавказского комитета приобрел управляющий его делами В.П. Бутков. Он первым получал запросы наместника (чаще всего через чиновников его канцелярии), мнения министров, руководил перепиской председателя комитета А.И. Чернышева с министрами и наместником, а также самостоятельно запрашивал мнения глав министерских департаментов. На практике именно В.П. Бутков представлял письменные мнения министров и главноуправляющих на заседаниях комитета и вносил их в журналы заседаний. От должностных «симпатий» и расторопности управляющего делами зависел исход многих спорных вопросов управления южной имперской окраины.

Влияние управляющего делами Кавказского комитета было особенно заметно на фоне специфического отношения министров к работе в отдельных профильных комитетах. О психологическом состоянии и рабочем настрое министров, переходивших из одного заседания в другое, дают представление дневниковые записи министра внутренних дел П.А. Валуева (1861–1868): «2 марта. Комитет министров. Потом комитет Кавказский... 9 марта. Утром Комитет министров. Потом Кавказский. От Польского я уехал... 23 марта. Утром Комитет министров. Потом Кавказский, от которого я уехал»³³.

Управляющий делами Кавказского комитета находился в самой тесной деловой связи с канцелярией кавказского наместника. Переписка В.П. Буткова с главой воронцовской канцелярии С.В. Сафоновым насчитывает 900 листов за период с 3 августа 1845 г. по 7 марта 1852 г.³⁴ Не многим менее интенсивной была переписка В.П. Буткова с князем А.И. Барятинским, занимавшим пост кавказского наместника в 1856–1862 гг.

Противостояние с министрами, вызванное беспрецедентными служебными правами кавказского наместника, в целом складывалось в пользу М.С. Воронцова. Перевес сил в пользу Тифлиса объяснялся знаменитостью наместника, а также неформальной коалицией с военным министром и председателем Кавказского комитета А.И. Чернышевым. Последнее предопределило направление канцелярско-бюрократического усердия В.П. Буткова, превратившего Кавказский комитет в столичное посольство наместника.

В годы наместничества А.И. Барятинского министрам не удалось серьезно потеснить полномочия и служебные привилегии наместника. После приезда на Кавказ брата императора Александра II – великого князя Михаила Николаевича – основным предметом разногласий Тифлиса и Петербурга становятся финансы. Институты наместничества вкупе с расходами великокняжеской семьи обходились казне дорого. Самым серьезным противником автономии кавказского наместника являлся глава финансового ведомства М.Х. Рейтерн, который в 1870-х гг. предпринял несколько

³³ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. II. 1865–1876 гг. М., 1961. С. 25, 26, 29.

³⁴ РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

служебно-иерархических атак с целью сократить расходы по наместничеству. Но козырем наместника по-прежнему были неформальные связи и влияние при петербургском дворе. Только после того как великий князь Михаил Николаевич покинул Тифлис (1881 г.), М.Х. Рейтерн, ставший уже председателем Комитета министров, смог не только урезать финансирование южной окраины, но и покончить с наместничеством.

Кавказское наместничество стало большой неожиданностью для имперской бюрократии. По своей сути этот институт управления основывался на неформальном, личном доверии императора и наместника. В этом отношении показательно, что все кавказские наместники были людьми близкими к российским монархам. Противостояние министров и наместников представляло собой конфликт различных систем организации власти и управления: современный бюрократический левиафан столкнулся с имперской сатрапией.